

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра китайской филологии

КАЧАН

Мария Александровна

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР КИТАЙЦЕВ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ
ПРОЗЕ ЛИНЬ ЮЙТАНА И БО ЯНА И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЛАО ШЭ И ЦЗЯН ЖУНА**

Дипломная работа

Научный руководитель:

старший преподаватель

С. И. Крылова

Допущена к защите

«___» _____ 2019 г.

Зав. кафедрой китайской филологии

кандидат филологических наук, доцент Н. Н. Хмельницкий

Минск, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	6
ГЛАВА 1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА	9
ГЛАВА 2 НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЛИНЬ ЮЙТАНА «МОЯ СТРАНА И МОЙ НАРОД» И БО ЯНА «ЭТИ ОТВРАТИТЕЛЬНЫЕ КИТАЙЦЫ».....	18
ГЛАВА 3 ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЛАО ШЭ И ЦЗЯН ЖУНА	30
3.1 Проблема национального характера в китайской литературе XX века	30
3.2 Своеобразие изображения национального характера китайцев в произведениях Лао Шэ	41
3.3 Концепция национального характера в художественной картине романа Цзян Жуна «Тотем волка».....	47
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	53
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	55

РЕФЕРАТ

Качан Мария Александровна

Национальный характер китайцев в публицистической прозе Линь Юйтана и Бо Яна и художественных произведениях Лао Шэ и Цзян Жун

Структура и объём работы: работа состоит из введения, 3 глав, заключения и списка использованных источников.

Объём: 54 страницы, список использованных источников – 37 позиций.

Ключевые слова: КИТАЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА, НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР, ЛИНЬ ЮИТАН, БО ЯН, ЛАО ШЭ, ЦЗЯН ЖУН, ПРОЗА, РОМАН.

Цель работы: выявить специфику отображения национального характера китайцев в публицистических произведениях «Моя страна и мой народ» Линь Юйтана (кит. – 林语堂) и «Эти отвратительные китайцы» Бо Яна (кит. – 柏杨), а также в художественных произведениях Лао Шэ (кит. – 老舍) и Цзян Жун (кит. – 姜戎).

Объект исследования: роман Цзян Жун «Тотем волка» («狼图腾»), роман Лао Шэ «Двое Ма» («二马»), повесть «День рождения Сяо По» («小坡的生日») и рассказ «Обнять внука» («拥抱孙子»), а также социально-культурологический трактат «Моя страна и мой народ» («My Country and My People») Линь Юйтана, «Эти отвратительные китайцы» («丑陋的中国人») Бо Яна.

Методы исследования: культурно-исторический, компаративный, литературно-исторический методы.

Полученные результаты и их новизна: был проведён анализ и раскрыты сущность и содержание понятия «национальный характер», а также сделан краткий обзор исследований, затрагивающих проблему национального характера китайцев. Выявлены основные черты китайского национального характера в публицистических произведениях «Моя страна и мой народ» Линь Юйтана, «Эти отвратительные китайцы» Бо Яна и художественных произведениях Лао Шэ «Двое Ма», «Обнять внука», «День рождения Сяопо».

Актуальность дипломной работы обусловлена тем, что в белорусском Китаеведении тема китайского национального характера как научная проблема разработана недостаточно полно.

Рекомендации по использованию результатов: результаты могут применяться при изучении китайской литературы XX и XXI веков, при исследовании творчества таких писателей, как Лао Шэ, Линь Юитан, Бо Ян и Цзян Жун.

Область применения: материалы могут быть использованы в практике преподавания литературных дисциплин, страноведения, а также области культурологии.

РЭФЕРАТ

Качан Марыя Аляксандраўна

Нацыянальны характар кітайцаў у публіцыстычнай прозе Лінь Юйтана і Бо Яна і мастацкіх творах Лао Шэ і Цзян Жуна

Структура і аб'ём работы: работа складаецца з уводзінаў, трох раздзелаў, заключэння і спіса выкарыстаных крыніц.

Аб'ём: 54 старонкі, спіс выкарыстаных крыніц – 37 пазіцый.

Ключавыя словы: КІТАЙСКАЯ ЛІТАРАТУРА, НАЦЫЯНАЛЬНЫ ХАРАКТАР, ЛІНЬ ЮЙТАН, БО ЯН, ЛАО ШЭ, ЦЗЯН ЖУН, ПРОЗА, РАМАН.

Мэта работы: аналіз адлюстравання нацыянальнага характару кітайцаў у публіцыстычных творах «Мая краіна і мой народ» Лінь Юйтана (кіт. – 林语堂) і «Гэтыя агідныя кітайцы» Бо Яна (кіт. – 柏杨), а таксама ў мастацкіх творах Лао Шэ (кіт. – 老舍) і Цзян Жуна (кіт. – 姜戎).

Аб'ект даследавання: раман Цзян Жуна «Татэм ваўка» («狼图腾»), раман Лао Шэ «Два Ма» («二马»), аповесць «Дзень нараджэння Сяо По» («小坡的生日») і аповяданне «Абняць унука» («拥抱孙子»), а таксама сацыяльна-культуралагічны трактат «Мая краіна і мой народ» («My Country and My People») Лінь Юйтана і «Гэтыя агідныя кітайцы» («丑陋的中国人») Бо Яна.

Метады даследавання: культурна-гістарычны, кампаратыўны, літаратурна-гістарычны метады.

Атрыманыя вынікі і іх навізна: быў праведзены аналіз і раскрыты сутнасць і змест паняцця «нацыянальны характар», а таксама зроблены сціслы агляд даследаванняў, якія закранаюць праблему нацыянальнага характару кітайцаў. Выяўлены асноўныя рысы кітайскага нацыянальнага характару ў публіцыстычных творах «Мая краіна і мой народ» Лінь Юйтана, «Гэтыя агідныя кітайцы» Бо Яна і мастацкіх творах Лао Шэ «Два Ма», «Абняць унука», «Дзень нараджэння Сяопо»

Актуальнасць дыпломнай работы абумоўлена тым, што ў беларускім кітаязнаўстве тэма кітайскага нацыянальнага характару як навуковая праблема распрацавана недастаткова поўна.

Рэкамендацыі па выкарыстанні вынікаў: вынікі могуць быць выкарыстаны пры вывучэнні кітайскай літаратуры XX і XXI стагоддзяў, пры даследаванні творчасці такіх пісьменнікаў, як Лао Шэ, Лінь Юйтан, Бо Ян і Цзян Жун.

Галіна прымянення: матэрыялы могуць быць выкарыстаны ў практыцы выкладання літаратурных дысцыплін, краіназнаўства, а таксама ў галіне культуралогіі.

ABSTRACT

Kachan Mariya Alexandrovna

The national character of the Chinese in Lin Yutang's and Bo Yang's journalistic prose and the works of fiction of Lao She and Jiang Rong

Structure and scope of work: the work consists of introduction, 3 chapters, conclusion and list of sources.

Amount of work: 54 pages, the list of used sources – 37 sources.

Key words: CHINESE LITERATURE, NATIONAL CHARACTER, LIN YUTANG, BO YANG, LAO SHE, JIANG RONG, PROSE, NOVEL.

Purpose of the work: to identify the specificity of the representation of the national character of the Chinese in the journalistic works “My Country and My People” by Lin Yuitang (Chinese – 林语堂) and “These disgusting Chinese” by Bo Yang (Chinese – 柏杨) and the works of fiction of Lao She (Chinese – 老舍) and Jiang Rong (Chinese – 姜戎).

Object of study: the novel of Jiang Rong “Wolf Totem” (《狼图腾》), the novel of Lao She “Two Ma” (《二马》), introduce “Xiao Po's Birthday” (《小坡的生日》) and the story “To hug a grandson” (《拥抱孙子》), as well as the social and cultural treatise “My country and my people” of Lin Yutang and the work “These disgusting Chinese” (《丑陋的中国人》) by Bo Yang.

Research methods: cultural and historical method, method of the comparative analysis, literary and historical method.

The results obtained and their novelty: We have analyzed and revealed the essence and content of the “national character” concept, and made a brief survey of the research works dealing with the national character of the Chinese. In addition, we have identified the main features of the national character of the Chinese in the journalistic works “My Country and My People” by Lin Yutang, “These disgusting Chinese” by Bo Yang and the works of fiction “Two Ma”, “To hug a grandson”, “Xiao Po's Birthday” by Lao She and “Wolf Totem” by Jiang Rong.

The relevance of our work is due to the fact that in Belarusian Sinology the topic of Chinese national character as a scientific problem is incomplete.

Recommendations for the use of results: the results can be used in the study of Chinese literature of the XX and XXI centuries, in the study of the works of such writers as Lao She, Lin Yutang, Bo Yang and Jiang Rong.

Field of use: materials can be used in the practice of teaching literary disciplines, regional geography, as well as the field of cultural studies.

ВВЕДЕНИЕ

Национальный характер — это составной элемент и одновременно основа психологического склада нации и национальной психологии в целом. Однако именно взаимосвязанная и взаимообусловленная совокупность и эмоциональных, и рациональных элементов составляет психологический склад нации или национальный характер, который проявляется и преломляется в национальной культуре, образе мыслей и действий, стереотипах поведения, обуславливая специфичность каждой нации, ее отличие от других.

Национальная психология современных китайцев является результатом исторического развития китайской цивилизации на протяжении нескольких тысячелетий ее существования, и прежде всего таких факторов, как длительный феодальный период в истории страны, двухтысячелетнее господство консервативных этико-социальных концепций и положений конфуцианства как основополагающей основы в жизни общества, каждой семьи, длительное политическое и юридическое бесправие населения, отсутствие демократических традиций в политической культуре, вековая борьба за физическое выживание основной массы китайцев. Национальный характер является наиболее устойчивым элементом национальной психологии. Он проявляется в специфических связях и отношениях в социально-бытовой сфере, к труду, к своей и другим нациям. Даже порой при беглом взгляде на человека можно заметить черты его национального характера. В ходе многовекового развития в Китае сформировались своеобразная культура, специфический образ жизни и мышления, укоренившиеся в национальном характере.

Исследованием китайского национального характера в своё время занимались многие учёные. Среди авторов материалов на русском языке следует назвать имена В. В. Соболяникова [6], К. М. Тертицкого [10], Н. А. Спешнёва [8], среди материалов на китайском языке - Чжан Дайняня, Фан Литяня, Лю Ганцзи, Лу Синя, Янь Фу, Лян Цичао, Сунь Ятсена, Линь Юйтана [19], Бо Яна [22].

В нашей дипломной работе мы подробнее остановимся на публицистической работе Бо Яна «Эти отвратительные китайцы» и Линь Юйтана «Моя страна и мой народ», а также романе Цзян Жуна «Тотем волка» и произведениях Лао Шэ «Двое Ма», «Обнять внука» и «День рождения Сяопо».

Мы исследуем национальный характер на примере двух публицистических и трёх художественных произведений, так как, на наш взгляд, это позволяет более полно изучить данную тему, не ограничиваясь только художественными произведениями. Также отметим, что произведения написаны в разное время,

что позволяет проследить изменения взглядов писателей, касающихся исследуемой нами темы.

Актуальность нашей работы обусловлена тем, что в белорусском китаеведении тема китайского национального характера как научная проблема разработана недостаточно полно. Исходя из этого, нам бы хотелось подробнее исследовать национальный характер китайцев на примерах работ выбранных китайских писателей. Перевод отрывков работ Линь Юйтана и Бо Яна, которые мы использовали в работе, был выполнен нами.

Цель данной работы заключается в анализе отображения национального характера китайцев в художественных произведениях Цзян Жуна и Лао Шэ и в публицистических произведениях «Моя страна и мой народ» Линь Юйтана и «Эти отвратительные китайцы» Бо Яна.

Объектом исследования являются: роман Цзян Жуна «Тотем волка», роман Лао Шэ «Двое Ма», повесть «День рождения Сяо По» и рассказ «Обнять внука», а также социально-культурологический трактат «Моя страна и мой народ» Линь Юйтана и «Эти отвратительные китайцы» Бо Яна.

Предметом исследования являются особенности национального характера китайцев.

Хронологические рамки исследования охватывают XX век и начало XXI века.

Исходя из цели, объекта и предмета исследования были поставлены следующие **задачи**:

- проанализировать и раскрыть сущность и содержание понятия национальный характер;
- сделать краткий обзор исследований, затрагивающих проблему национального характера китайцев;
- исследовать своеобразие отражения национального характера китайцев на примере выбранных произведений Линь Юйтана, Бо Яна, Цзян Жуна и Лао Шэ.

Методологической основой дипломной работы являются культурно-исторический метод, метод компаративного анализа, литературно-исторический метод.

Дипломная работа состоит из введения, трёх глав и заключения, а также списка использованных источников. Во введении обосновывается актуальность избранной темы и проблем, рассматриваемых в работе, обосновываются актуальность темы, формулируются цель и задачи исследования, определяются хронологические рамки исследования. В первой главе проводится краткий обзор культурологических исследований по теме национального характера, во

второй главе выявляются особенности национального характера китайцев в произведениях «Моя страна и мой народ» Линь Юйтана и «Эти отвратительные китайцы» Бо Яна. Третья глава состоит из трёх разделов. В первом проводится обзор проблемы национального характера в китайской литературе XX века, во втором исследуется тема национального характера в романе Цзян Жуна «Тотем волка», а в третьем разделе – в произведениях Лао Шэ «Двое Ма», «Обнять внука» и «День рождения Сяопо».

ГЛАВА 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

В современном литературоведении и синологии актуальным является вопрос вывещения национальной специфики, национальной идентичности и создание мировоззренческой картины мира в художественных произведениях. В рамках данного положения особого внимания заслуживает изучение феномена национальной идентичности и проявление её в текстах художественной литературы. Основной составляющей понятия «национальная идентичность» является национальный характер, как проявление национального самосознания китайского народа.

В Китае проблемами, связанными с изучением особенностей национального характера, занимались многие учёные. Это были и философы, и политические и общественные деятели, и писатели. В качестве примера можно привести таких выдающихся представителей китайской нации, как Янь Фу, Лян Цичао, Сунь Ятсен, Чэнь Дусю, Ли Дачжао, Лу Синь.

В литературе Китая изображение китайского характера является отражением национального самосознания, которое проявляется в оппозиции «свой – чужой», «китаец – иностранец». Лян Цичао писал, что для разграничения наций недостаточно учитывать общность происхождения, язык и верования народа, а наиболее важным, по мысли Лян Цичао, является «возникновение и утверждение “национального сознания”, осознание себя в противопоставлении другим» [5, с. 343].

Противопоставление образов «свой-чужой» наиболее ярко проявляется в литературе «китайского зарубежья», например, в повестях Чжан Лин, в романах Эми Тан «Сто тайных чувств» и «Клуб радости и удачи».

В ходе нашего исследования мы будем опираться главным образом на материалы, которые были опубликованы как в Китае, так и вне его, в которых всесторонне рассматривается психология китайской нации.

Первые исследователи этнических различий, их влияния на быт и культуру народов, на жизнедеятельность людей связывали психологию народа с климатическими условиями разных географических областей. Однако по-настоящему глубокий интерес к этнической психологии начинается с середины XVIII века. и обусловлен расширением общественных отношений, экономическим развитием, обострившим политическую и национальную самостоятельность.

Одним из наиболее разработанных направлений является этнопсихологическая концепция В. Вундта. Теория психологии народов возникла из его идеи о несводимости общепсихологических процессов к индивидуальной психологии и необходимости изучения социально-психологических закономерностей функционирования социальных групп и всего общества в целом. Учёный утверждал, что душа народа — не простая сумма индивидов, а их связь и взаимодействие, что определяет новые, специфические явления и своеобразные законы. Народная душа есть связь психологических явлений, совокупное содержание душевных переживаний, общие представления, чувствования и стремления. Ее следует изучать методом анализа языка, мифов, обычаев, составляющих основные области народной психологии. По мнению В. Вундта, язык идентичен уму (представлениям), мифы — чувствам, обычаи — воле в индивидуальной психологии. Он провел четкую грань между психологией народной (социальной) и индивидуальной. В. Вундт определил исторический характер коллективного сознания, ввел для его изучения исторический метод [8, с. 89].

Прежде всего целесообразно определить и уточнить те теоретические понятия, которые мы будем использовать в нашей работе.

Наиболее важным является понятие этнической общности — большой социальной группы людей, объединенных общими установками, стереотипами. Этнос — это явление социально-психологическое. Под социумом понимается социальная группа людей, объединенных на основе общей территории, экономики и политики, выработавшая единые поведенческие требования к различным событиям жизни. Таким образом, социальная общность имеет две взаимопроникающие формы: этнос и социум [8, с. 30].

Ключевым для нашего исследования является понятие национального характера. «Национальный характер — это исторически сложившаяся совокупность устойчивых психологических черт нации, определяющих привычную манеру поведения и типичный образ жизни людей, их отношение к труду, к другим народам, к своей культуре» [3, с. 57].

Что касается самого термина «национальный характер», то он впервые был введён в науку и стал объектом исследования в западноевропейской философской и социологической мысли второй половины XVIII- начале XIX вв. в работах выдающихся философов того времени. Среди тех, кто проявлял большой интерес к исследованию данной проблемы, в частности, к вопросу о причинах существования национального характера и факторах, способствующих его формированию, следует выделить работы И. Канта,

Д. Юма, Г. Гегеля, И. Фихте, а также К. Гельвеция, И. Гердера и других мыслителей.

С понятием национального характера тесно связаны и понятия национальное самосознание, менталитет и национальный дух.

Национальное самосознание – совокупность представлений, традиций и понятий представителей нации или этноса, позволяющих воспроизводить эту общность людей как целое и причислять каждого индивида к данной социальной целостности [3, с. 38].

Менталитет – мироощущение, мировосприятие, формирующееся на глубоком психическом уровне индивидуального или коллективного сознания, возникает в недрах культуры, традиций, социальных институтов, среды обитания человека и представляет собой совокупность психологических, поведенческих установок индивида или социальной группы [2 с. 78].

Национальный дух – сверхиндивидуальное, обнаруживающееся в проявлениях объективного духа у представителей одного и того же народа [16].

Известно, что восточная культура по своему характеру коллективная культура, а западная — индивидуальная. Восточные люди, живущие в рамках коллективной культуры, относятся к сплочённости с особым вниманием. Они рассматривают коллектив не только как реальное собрание людей, но и как более высокую ценность. Индивид может существовать только в качестве члена семьи, нации, класса и других коллективных образований. Кроме этого, у него нет каких-либо социальных функций. Восточный человек приспособляется к обществу не для того, чтобы контролировать, распоряжаться и управлять другими, а для того, чтобы соответствовать обществу и другим, находиться с ними в гармонии. Приспособиться — значит придавать значение связям, отношениям между людьми, авторитету, из этого следует невозможность перенесения в Китай социальной психологии индивида, принятой на Западе, для этого необходимо пройти трудный путь китаизации и формирования социальной психологии, которая соответствовала бы восточной коллективной культуре.

Кроме того, китайскую культуру отличает проявление типичных поведенческих моделей, психологических черт, которые характерны для китайской нации в большей степени, чем для представителей других наций. По словам исследователя в области китайского языка, литературы и психологии Н. А. Спешнёва, отличительной особенностью традиционного подхода к изучению национального характера представляется специфика толкования самого понятия: в китайских словарях XX века слова «характер» сингэ (кит. 性格) не было, и заимствовано оно из английского [8, с. 22]. А в работах

китайских учёных по национальному характеру и психологии используется понятие “民族精神” миньцзу цзиншэнь ‘национальный дух’ [30, с. 30]. У Мо Яня встречается “民族性” миньцзусин ‘национальный характер’ [28, с. 282].

Во взглядах китайских ученых, высказывающихся по поводу характера своих соотечественников, наблюдаются значительные различия. Профессор Ша Ляньсян подытожил мнения 71 ученого и выяснил, что максимальный процент единства во взглядах составил 24,4 %, а самый низкий — 5,2 %. В качестве критериев, по которым производился опрос, учёный определил следующие: экономны, трудолюбивы, довольствуются тем, что имеют; эгоистичны, лживы, стремятся обмануть; семья прежде всего, авторитет превыше всего; гуманны и милосердны, склонны к самосовершенствованию; малообразованны; сохраняют золотую середину, скромны, интровертны; сообразительны, житейски мудры, самостоятельно преодолевают трудности; миролюбивы, снисходительны [32, с. 34].

В многочисленных работах Чжан Дайняня, Фан Литяня Лю Ганцзи, Лу Синя и других, так или иначе посвященных особенностям национальной психологии и менталитета, используется понятие “精神” ‘цзиншэнь’. Русский эквивалент этого слова в русско-китайском словаре (Пекин, 2008) представлен в трех значениях: 1. Дух (духовный); душа (душевный); моральный; нравственный. Духовный мир, духовная жизнь. 2. Дух, сущность 3. Психика. При втором безударном слоге — дух, энергия, силы, бодрый [37].

К этому понятию китайские исследователи относятся с большим вниманием, по-разному раскрывая его сущность. Все признают, что данное слово или понятие можно толковать как в широком смысле, так и в узком его значении. В широком смысле слова «цзиншэнь» — это все нематериальные явления (противопоставленные материальному миру). Сюда относятся человеческое сознание, чувства, воля, мышление, представление, теоретические выкладки, учения и т. д. В узком значении этого слова – это то, что считается душой и опорой явлений культурного сознания; то, что лежит в глубоких слоях души и является относительно устойчивым. Большинство китайских исследователей считает, что при рассмотрении национального характера следует исходить из узкого значения этого слова.

Существуют три точки зрения по поводу того, где находится граница понятия «национальный дух». Некоторые ученые считают, что при определении рамок данного понятия следует исходить из прогрессивного, активного, позитивного начала, то есть истинный национальный дух подразумевает выкристаллизованную мысль, прогрессивные понятия, выдающиеся явления культуры, в которых отражаются интересы народных

масс и пути развития общества. Сюда не входят отрицательные компоненты национальной культуры.

Рассмотрим, как к данному понятию относятся некоторые китайские ученые. Так, известный китайский философ Чжан Дайнянь считает, что имеются два фактора, которые составляют национальный дух. Это, во-первых, то, что исповедуется большинством, и, во-вторых, то, что может побуждать людей к движению вперед [32, с. 46].

Китайский исследователь Фан Литянь считает, что можно рассматривать понятие «цзиншэнь» как в узком, так и в широком смысле этого слова. Сам он считает, что с узких позиций рассматривать проблему в целом даже предпочтительней. При определении понятия «национальный дух» он предлагает исходить из следующих факторов. Во-первых, это то, чем обладает большинство людей, а именно широко распространенный в народе, общепризнанный способ мышления. Во-вторых, это дух, который постепенно развивался, обогащался и становился зрелым. В-третьих, это основополагающие способы мышления. В-четвертых, это дух добрососедства в общении с представителями других наций [31, с.4.]

Следовательно, четкое определение такой этнопсихологической категории, как характер, подменяется понятием «национальный дух» '*миньцзу цзиншэнь*' Как правило, китайские исследователи склонны к простому перечислению тех или иных качеств, которыми в идеале обладают или должны обладать носители китайского менталитета. Фан Литянь относит к национальному духу такие моральные качества, как честь и благородство души, благодушие и снисходительность, патриотизм. Вместе с тем отмечен и практицизм китайцев. Такую же позицию занимает и Лю Ганци [32, с. 97].

Лу Синь отмечал у соотечественников такие черты, как самодовольство, стремление «сохранить лицо», умение улаживать споры и стремление к согласию, узкий кругозор, раболепие, трусливость.

Ху Ши (философ, литературовед, общественный деятель) дал следующую оценку китайскому характеру: китайцы довольствуются тем, что имеют, придают большое значение самовоспитанию, верят в судьбу, их отличают самоуспокоенность, отсутствие рассудительности, чувство стыда и стремление работать по принципу «сойдет и так» [8, с. 46].

В начале 1990-х годов в КНР значительно возросло число публикаций по вопросам национальной психологии. Появилось много интересных книг, написанных с привлечением разнообразного материала, в том числе и лингвистического. Большая часть монографий, в которых критика направлена в сторону консерватизма китайского образа мышления, выходит под девизом:

«Показать, выявить, критиковать с целью дальнейшего преодоления» [8, с 34]. Эта тенденция, безусловно, несет в себе положительный заряд и отвечает основным целям нынешнего китайского общества — духовного возрождения нации.

Тайваньская серия – «Психология китайцев» – появилась в 1987 году. Ее идеологом и организатором является Юй Дэхуэй. Каждый из сборников серии (их несколько десятков) включает до 50 небольших статей, объединенных какой-либо общей темой: «Отношение китайцев к счастью» [33, с. 48], «Взгляд китайцев на воспитание детей» [33, с. 13] и так далее.

В русском и зарубежном китаеведении проблема психологии китайцев вызывала и вызывает большой интерес. По словам известного востоковеда Н. А. Спешнёва, существует по меньшей мере три варианта, или подхода, к описанию национальных черт психологии того или иного народа: явно положительный, явно отрицательный и с удивлением [8, с. 12].

Среди работ русских исследователей обращает на себя внимание монография К. М. Тертицкого «Китайцы: традиционные ценности в современном мире» [10, с. 16], которая в основном посвящена проблемам религии в современном Китае. В книге «последовательно рассматриваются взаимосвязь этнического самосознания с системой ценностей китайцев, воздействие состояния этнического самосознания на религиозные процессы и функционирование этнического самосознания при взаимодействии китайцев с иноэтничной общностью и ее культурой» [10, с. 24]. В книге не столько фиксируются отдельные факты проявления китайцами тех или иных особенностей национальной психологии, сколько раскрываются и объясняются их причины. В главе «Традиционные социокультурные характеристики в сознании и поведении индивида в современном Китае» автор особое внимание уделяет тому, как и в какой степени ментальность и ее феномены присутствовали и присутствуют в жизни современных китайцев.

К. М. Тертицкий подчеркивает, что именно нравственные нормы родственной группы являлись базой для господствующей в обществе и государстве конфуцианской этической модели. Семья была не только главной социальной группой, но и прототипом всех иных социальных организаций. Родственные связи стали основой для построения всей совокупности отношений в обществе. В рамках этих связей действует принцип взаимной опоры и взаимных обязательств. Отсюда ориентация китайцев на группы и кланы.

Наиболее полно раскрыта интересующая нас тема национального характера китайцев в книге В. В. Соболяникова «Этнопсихологические

особенности китайцев» [6, с.18]. Не являясь китаистом, автор опирается на работы русских и европейских ученых-психологов. На наш взгляд, эта книга интересна тем, что в ней детально с научной точки зрения рассматриваются основные черты национального характера китайцев.

В монографии пять глав: «Этнопсихологические феномены в системе китайского менталитета», «Психологические механизмы функционирования значимых этнопсихологических феноменов», «Ценностные ориентации китайцев», «Реальное поведение китайцев и детерминанты его прогноза» и «Этническое самосознание китайцев и проблемы межнациональных отношений».

В первой главе автор даёт анализ различных трактовок понятия «менталитет». Под ним В. В. Соболевников понимает совокупность тех компонентов сознания (в данном случае этнического), которые обуславливают его структурную целостность и качественную определенность социальных (этнических) общностей, позволяющих идентифицировать их посредством проявления готовностей, предрасположенностей и установок действовать, мыслить, чувствовать и воспринимать мир особым образом. Понятие «среда» включает в себя эпоху и место проживания, культуру, религию и философию общества [6, с. 48].

Вторая глава посвящена рассмотрению системы этнических стереотипов китайцев. Как указывает В. В. Соболевников, функционально значимыми в условиях межличностного общения являются этностереотипы внутригрупповых связей, межгруппового общения. Существует две группы стереотипов: безусловные и относительные. Первая включает функционально значимые во всех ситуациях межличностного общения — стереотипы внутригруппового и межэтнического общения; вторая — отношение к жизни и смерти, к борьбе, долгу и обязанностям, к власти и престижу, к старшим и младшим, к материальным условиям быта и труду.

Этнический автостереотип китайца во многом определяется, во-первых, укоренившимися в его сознании представлениями о своей национальной уникальности, особой роли Китая и китайцев, во-вторых, высокой оценкой ханьского этноса как обладающего самой древней историей и культурой.

В третьей главе речь идёт о исключительно китайском понятии «лица», которое «во многом обуславливает мотивационную сторону коммуникативного поведения китайца» [6, с. 49]. В. В. Соболевников отмечает существование определенного стереотипа в сознании китайца, который стремится перевести любое общение на привычный ему порядок. Другая не менее важная ценность для китайца — это авторитет. Так, авторитетными являются все китайские

ценности, манеры поведения, слова, жесты, ритуалы, последовательность изложения аргументов, китайские обычаи и традиции, мудрость предков и вообще все, связанное с китайской культурой. Автор отмечает и феномен ценности конкретного, ибо конкретное, или наглядное, воспринимается китайцем лучше всего. Китайцу во время контакта трудно сосредоточить внимание на том, что воспринимается не сразу, не имеет законченной формы и требует абстрактных выкладок, поэтому при аргументации какого-либо положения он часто прибегает к образам, которые можно воспринять конкретно. Конкретность восприятия влечет за собой склонность к образности, символике и даже к своего рода магии числа или устойчивого сочетания [6, с. 22].

Глава четвертая посвящена «концепции лица» в контексте особенностей восприятия и мышления китайцев [6, с. 67]. Понятие «лица» имеет универсальное применение. В это понятие входит избираемые этим «лицом» линия поведения, способы утверждения собственной репутации, элементы драматургии, в совокупности, реализующие одну из моделей социального поведения. Таковы усиление собственного «лица» и укрепление имиджа, усиление престижа другого; потеря собственного «лица», престижа; восстановление собственного «лица», престижа.

Каждая этнокультурная общность вырабатывает свое миропонимание и мироощущение, формируя при этом «модель видения мира». Традиционно в Китае считается, что чем выше авторитет человека (как и его социальное положение и возраст), тем медленнее и многозначительнее должна быть его речь. Поэтому неторопливая и напыщенная речь официального лица высокого ранга столь разительно отличается от примитивной и торопливой речи простолюдина. Торопливость и суетливость ассоциируются в сознании китайца с неуверенностью в себе и вызывают негативную реакцию по отношению к партнеру. Непривычный стиль общения даже может стать поводом для прекращения общения.

Стоит отметить, что многие исследователи рассматривают особенности китайцев лишь в контексте их древнейшей культуры и обычаев, пережитков прошлого, не учитывая современных социально-политических изменений, которые оказали влияние на общество.

Подытожив мнения 71 учёного по основным чертам китайского национального характера, исследователь Ша Ляньсян показал процентное совпадение мнений. Результаты были следующими:

- экономны, трудолюбивы, довольствуются тем, что имеют — 24,4 %;
- эгоистичны, лживы, стремятся обмануть — 22,3 %;

- семья прежде всего, авторитет превыше всего — 12,9 %;
- гуманны и милосердны, склонны к самосовершенствованию — 11,6 %
- малообразованны — 8,5 %;
- сохраняют золотую середину, скромны, интровертны — 8,3 %;
- сообразительны, житейски мудры, самостоятельно преодолевают трудности — 6,8 %;
- миролюбивость, снисходительность – 5,2%.

Таким образом, проведённый нами анализ существующих на сегодняшний день исследований, касающихся китайского национального характера, показывает, что основной их объём пришёлся на XX век и проводился не только многими китайскими деятелями культуры, но и многими иностранными исследователями. Среди авторов материалов на русском языке можно привести имена В. В. Соболяникова, К. М. Тертицкого, Н. А. Спешнева и других, среди материалов на китайском языке - Чжан Дайняня, Фан Литяня Лю Ганци, Лу Синя, Янь Фу, Лян Цичао, Сунь Ятсена и других.

ГЛАВА 2

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЛИНЬ ЮЙТАНА «МОЯ СТРАНА И МОЙ НАРОД» И БО ЯНА «ЭТИ ОТВРАТИТЕЛЬНЫЕ КИТАЙЦЫ»

Прежде чем приступить к анализу национального характера в выбранных текстах, следует сказать несколько слов об авторах-исследователях и их произведениях, изученных нами в рамках дипломной работы.

Линь Юйтан (кит. – 林语堂) – китайский писатель, философ и учёный, который стал известным после написания книги «Моя страна и мой народ» [22] («My Country and My People»), вышедшей в 1935 году. Перед написанием этой работы писатель долгое время жил за границей, изучая европейскую культуру и искусство.

В исследовании, которое можно определить, как социально-культурологический трактат, Линь Юйтаном проводится сопоставительный анализ двух цивилизаций — китайской и европейской. В мировом китаеведении книга получила широкое признание и причислена к разряду классических исследований благодаря своей оригинальности и информативности. Автор выделил характерные особенности китайской истории, психологии, духовной культуры, религии, философии, проследил эволюцию материальных и духовных ценностей китайцев с древнейших времен до середины XX в., впервые познакомил европейцев и американцев с особенностями китайского менталитета.

Бо Ян (кит. – 柏杨) является тайваньским писателем и диссидентом. Его произведение «Эти отвратительные китайцы» («丑陋的中国人») [30] было издано на Тайване в 1984 году. В следующем году оно вышло в печати на материковом Китае, где сразу же стало бестселлером. Однако уже в следующем году правительство КНР запретило выпуск не только этой книги, но и всех остальных работ Бо Яна (запрет был снят в 2004 году). Всего на материке книга была выпущена 6 раз, при этом содержание каждый раз отличалось. Ответом на публицистическое эссе Бо Яна «Эти отвратительные китайцы» стала статья, напечатанная в газете «Гуанмин жибао» (кит. – «光明日报») от 1 марта 1987 г. под названием «Китайцы способны догнать и превзойти уровень мирового прогресса» [30].

В своём исследовании Бо Ян в сатирической манере сравнивает китайскую культуру с западной и описывает пороки и недостатки китайской культуры; указывает на неаккуратность китайцев, их нецивилизованное поведение, равнодушие к окружающим и так далее.

Композиционно книге предшествует предисловие в форме диалога под названием «Доктор и больной в стране чана для солений». В первой части под названием «Болезненная атака» собраны стенограммы выступлений автора в разных университетах США в 1984 г., темой которых был национальный характер китайцев. Тексты этих выступлений были опубликованы в ноябре — декабре того же года во многих газетах и журналах Китая, Тайваня и США. Более ранние выступления Бо Яна, относящиеся к 1981 г., интервью некоторым журналам и просто ответы на вопросы простых читателей также вошли в книгу. Помимо этого, работа включала 32 небольшие статьи из различных сборников, названия которых весьма красноречивы: «В ожидании порицания», «Наступил ему на хвост», «Рано пробудившийся червячок» и т. п.

Вторая часть книги — «Бушующие волны бьются о берег» — это избранные материалы дискуссий о национальном характере китайцев, в том числе вопросы читателей и ответы автора, а также передовицы газет и статьи, отражающие бурные дебаты, в которых звучит как острая критика самого Бо Яна, так и высказывания его сторонников.

Название книги «Эти отвратительные китайцы» отражает ее содержание. Бо Ян признает, что в свое время ему встречались книги с такими названиями: «Уродливые американцы» и «Уродливые японцы». Бесправное и тяжёлое положение китайцев за рубежом и даже в своей стране побудили его написать эссе и выступить с ним, попытаться выявить причины такого положения, показать реальную ситуацию в стране и побудить свой народ к изменениям. В своём исследовании автор утверждает, к тому же очень смело, что причины «уродливости» китайцев заключаются в том, что в китайской традиционной культуре есть некий вирус, который, передаваясь из поколения в поколение, до сих пор не был выведен и уничтожен. «Наше уродство происходит от того, что мы сами не знаем, что мы уродливы», - так считает автор книги [30].

В своем первом выступлении в США перед студентами штата Айдахо Бо Ян назвал более десятка отрицательных, по его мнению, черт китайцев, иллюстрируя каждый случай многочисленными примерами из своей практики. К отрицательным чертам автор относил громкую речь и шум, отсутствие единства народа. О громкой речи китайцев автор пишет: «至于吵，中国人的嗓门之大，真是天下无双，尤以广东老乡的嗓门最为叫座。有个发生在美国的笑话：两个广东人在那里讲悄悄话，美国人认为他们就要打架，急拨电话报案。警察来了，问他们在干什么，他们说：“我们正耳语。”。为什么中国人声音大？因为没有安全感，所以中国人嗓门特高，觉得声音大就是理大，只要声音大、嗓门高，理都跑到我这里来了，要不然我怎么会那么气愤？我想这一点足够使中国人的形象受到破坏，使我们的内心不能平安» [30] («Что касается шума,

мощь китайского горла воистину не поддаётся сравнению. Особенно примечательны голоса кантонских крестьян. В Америке можно услышать такой анекдот: кантонские эмигранты мирно беседовали, американцы, подумав, что те ссорятся, вызвали полицию. Приехала полиция, спрашивает, в чём тут дело. Эмигранты объясняют: «Да мы тут шептались...» Почему китайцы говорят так громко? Всё потому, что у них нет чувства безопасности. Им кажется, если сильно кричать — порядка будет больше и справедливости легче будет добиться. Как иначе объяснить, зачем мы так орём? Думаю, это вредит репутации китайского народа и рождает беспокойство в наших собственных сердцах — ведь шум, грязь и беспорядок, естественно, влияют и на внутреннее состояние человека») [перевод сделан нами – К. М.].

В характере китайцев, как пишет Бо Ян, две крайности — либо чрезмерное уничижение, либо чрезмерная похвала. Добившись в чем-либо малейшего успеха, человек немедленно становится слишком гордым и относится к окружающим свысока.

Характерной чертой является и постоянный страх перед чем-либо, а также стремление избегать конфликтных ситуаций. Бо Ян также отмечает, что китайцам недостаёт самолюбия и чувства собственного достоинства, понятия равенства, креативности, инициативы, умения преодолевать стереотипы, стремления к поиску новых решений проблем.

Автор упоминает о важной роли конфуцианства в Китае, но отмечает его излишнюю консервативность. Традиционная культура, которая была основана на преклонении перед властью, привела к тому, что взаимоотношения между людьми строились только на почитании и страхе и практически не строились на любви. Если и было понятие гуманности, то в обществе оно почти не проявлялось. Гуманность правителя к простолыдину могла состоять только в жалости и сострадании. Да и понятие гуманности не равноценно понятию любви.

Бо Ян также убежден, что китайцы не способны видеть свои ошибки, они не хотят их признавать. Появление этой особенности характера автор объясняет многолетними междоусобными войнами. «因为这种窝里斗的哲学，使我们中国人产生了一种很特殊的行为 — 死不认错。各位有没有听到中国人认错？假如你听到中国人说：“这件事我错了。”你就应该为我们国家民族额手称庆» [19] («Под влиянием “философии междоусобных войн” у нас, китайцев, выработалось особое поведение: “Умру, но не признаю ошибку”. Слышали ли вы когда-нибудь, чтобы китайцы признавали свои ошибки? Если вы услышите, как китаец говорит: “Это по моей вине”, — радуйтесь за нацию»). Автор

приводит интересный пример из своей практики: «我教书的时候, 学生写周记, 检讨一周的行为, 检讨的结果是: “今天我被某某骗了, 骗我的那个人, 我对他这么好, 那么好, 只因为我太忠厚。” 看了对方的检讨, 也是说他太忠厚。每个人检讨都觉得自己太忠厚, 那么谁不忠厚呢? » [30] (*«Когда я преподавал, мои студенты вели по моей просьбе дневники: оценивали критически свое поведение за прошедшую неделю. Вот какую самокритику мне доводилось читать: «Сегодня меня обманул такой-то. Я так хорошо к нему относился, вот из-за моей доброты он меня и обманул». Тогда я читал «самокритику» другой стороны — другой тоже говорит, что был слишком доверчив. Каждый в своей «самокритике» полагает, что он слишком добр, кто же тогда не добр?»*).

Отдельная глава в книге Бо Яна посвящена рассуждениям о том, что мешает его соотечественникам делать умозаключения. У китайцев сильно развита интуиция (подсознание, непосредственный опыт), но они не умеют делать выводы, умозаключения, и в этом они уступают европейцам. Порох и компас изобрели, а теоретической науки, такой, как логика, не создали. Бо Ян указывает на консервативность мышления китайцев, считая, что у этого народа нет привычки к самостоятельной аналитической работе ума. Причиной вновь послужила традиционная культура. «这个文化, 自从孔丘先生之后, 四千年间, 没有出过一个思想家! 所以认识字的人, 都在那里批注孔丘的学说, 或批注孔丘门徒的学说, 自己没有独立的意见, 因为我们的文化不允许这样做, 所以只好在这潭死水中求生存» [30] (*«В китайской культуре за четыре тысячелетия, прошедшие со смерти Конфуция, не появилось ни одного мыслителя. Люди интеллектуального труда все это время писали примечания к его сочинениям или к сочинениям его учеников, но собственного мировоззрения не создали, ибо это запрещалось, вот и приходилось существовать в этом тёмном омуте»*).

О консервативности китайцев рассуждал и Линь Юйтан, который полагал, что данное качество появилось именно из-за идеологии конфуцианства. «For Confucianism not only asked about the meaning of life but also answered it in a way that left people satisfied with having found the meaning of human existence. The answer left people with no desire to speculate about the future life or to change the present one» [22] (*«Конфуцианство решило для себя смысл человеческого существования, и все были удовлетворены этими выводами. Они избавили людей от дальнейших размышлений и желания к изменениям»*) [перевод сделан нами – К. М.].

Линь Юйтан считает, что наихудшими, но и самыми поразительными качествами китайцев являются терпение, равнодушие и лукавство. Они, как было отмечено выше, возникают по причине воздействия культуры и

социального окружения. Например: «the quality of patience is the result of racial adjustment to a condition where over-population and economic pressure leave very little elbow-room for people to move about, and is, in particular, a result of the family system, which is a miniature of Chinese society» [22] («*Такое качество, как терпение – это результат приспособления нации к определённым условиям – большой плотности населения и экономическому давлению, которые не дают достаточно жизненного пространства. В особенности, это результат семейной системы, которая воплощает собой китайское общество в миниатюре*»). Казалось бы, в терпении нет ничего плохого, однако Линь Юйтан утверждает: «We submit to tyranny and extortion as small fish swim into the mouth of a big fish. Perhaps had our capacity for sufferance been smaller, our sufferings would also be less» [22] («*Мы готовы мириться с тиранией и вымогательствами, словно маленькая рыба плывёт в рот большой рыбы. Возможно, если бы наша способность терпеть была меньше, то и страданий было бы меньше*»). То есть, автор говорит не просто о терпении, а о чрезмерном терпении, тормозящем какие-либо улучшения.

Такую отрицательную черту, как бесстрашие, автор также считает продуктом культуры, выработанной древними мудрецами. Под бесстрашием он понимает равнодушие к нуждам других, безучастность. Данная черта была в то время «ценой выживания», так как права человека были не защищены, и вмешиваться в чужие дела было попросту опасно. «All old people play safely because all old rogues have learned the benefits of indifference in a society where personal rights are not guaranteed and where getting one's fingers burned ones is bad enough» [22]. («*Все пожилые люди очень осторожны, ибо все старые лукавцы поняли выгоду, которую даёт равнодушие в обществе, где права человека не защищены и где достаточно обжечься только раз*»).

Мы находим подобное описание китайской манеры поведения и у Бо Яна. Автор также говорит о том, что китайцам присуще некое чувство «парализующего страха», который не позволяет народу заступаться за других, помогать людям, боясь прежде всего за себя. «每个人都恐惧得不得了，不晓得什么是自己的权利，也不晓得保护自己的权利，每遇到一件事情发生，总是一句话：“算了，算了。”“算了算了”四个字，不知害死了多少中国人，使我们民族的元气，受到挫伤。我假如是一个外国人，或者，我假如是一个暴君，对这样一个民族，如果不去虐待她的话，真是天理不容。这种神经质的恐惧，是培养暴君、暴官最好的温床，所以中国的暴君、暴官，永远不会绝迹。中国传统文化里 — 各位在《资治通鉴》中可以看 — 一再强调明哲保身，暴君暴官最喜欢、最欣赏的就是人民明哲保身，所以中国人就越来越堕落萎缩» [30] («*Каждый из нас пребывает в невероятном страхе, не знает собственных*

прав, не умеет за себя постоять. Что бы ни случилось, на все один ответ: «Да ладно, ничего». “Да ладно, ничего” — сколько жизней погубили эти три слова! Они погубили душу народа. Родись я иностранцем или, к примеру, всемогущим правителем, я, с точки зрения китайца, восстал бы против законов природы, если бы не воспользовался своим положением и не стал бы мучить и притеснять других! Парализующий страх — великолепное средство для производства деспотичных и хищных правителей, поэтому в Китае они никогда не переводятся. Любой может заглянуть в текст “Зерцала всеобщего, в управлении помогающего” — в китайской традиционной культуре постоянно упоминается принцип: “Мудрый себя оберегает”, то есть мудрость состоит в том, чтобы спасти себя, а не других. Деспотам и тиранам только и нужно, чтобы люди пренебрегали общим ради личного. Вот китайцы и опускаются все ниже»).

А лукавство, по мнению автора, является продуктом даосской жизненной философии. В понимании писателя, «An old rogue is a man who has seen a lot of life, who is materialistic, nonchalant and sceptic of progress» [22] («Старый лукавец – это человек, который много повидал в жизни, он материалистичен, беспечен и скептически относится к прогрессу»). Данное качество, считает Линь Юйтан, сложнее всего понять европейцам. Как нам известно, даосизм действительно предполагает некоторую хитрость, скептицизм и неверие в идеалы. Этой черте стоит уделить особое внимание, так как по мнению Линь Юйтана, именно лукавство не давало обществу мечтать, желать, действовать, т.е. развиваться. «It has a strange way of reducing all human activities to the level of alimentary canal and other simple biologic needs» [22]. («Лукавство странным образом сводит человеческую деятельность к уровню переваривания пищи и еще более элементарных потребностей»). Данные качества, как выражается автор, парализовали способности китайцев к самоорганизации.

Такая особенность, как неспособность к организации подробно изложена и в работе «Эти отвратительные китайцы». Вот, что говорит Бо Ян: «中国人最拿手的是内斗。有中国人的地方就有内斗，中国人永远不团结，似乎中国人身上缺少团结的细胞，所以外国人批评中国人不知道团结» [30]. («Где китайцы — там распри, китайцы вечно разъединены, как будто их телам не достаёт особых клеток — клеток солидарности, поэтому, по мнению иностранцев, китайцам неведомо единство»). Но в отличие от своего предшественника Линь Юйтана, Бо Ян считает данное качество именно природным пороком: «中国人的不能团结，中国人的窝里斗，是中国人的劣根性。这不是中国人的品质不够好，而是中国的文化中，有滤过性的病毒，使我们到时候非显现出来不可，使我们的行为不能自我控制!» [30]. («То, что китайцы не умеют объединяться,

их междоусобные распри — природный порок. Но дело не в плохих моральных качествах китайцев, а в том, что в китайской культуре есть самовысеивающийся вирус, который проявляется в критические минуты и лишает нас способности контролировать себя»). Однако мы позволим себе не совсем согласиться с данным мнением, ведь восточная культура по своему характеру – коллективная культура, что обусловлено скученностью проживания и постоянным окружением отдельной личности множеством себе подобных. Восточные люди также рассматривают коллектив как более высокую ценность, чем отдельная личность.

В работе Линь Юйтана были подробно описаны и некоторые другие положительные стороны национального характера китайцев: миролюбие и изобретательность, простота и духовная близость к природе.

Автор считает, что китайцы – миролюбивый народ, ибо то, что они использовали порох для петард и хлопушек, говорит об их пацифизме и юморе. «The humor of the Chinese in inventing gunpowder and finding its best use in firecrackers for their grandfathers' birthdays and is merely symbolical of their inventiveness along merely pacific lines» [22]. (*«Юмор китайского народа в том, что они изобрели порох и используют его для хлопушек на днях рождениях дедушек, что свидетельствует и о их изобретательности и миролюбии»*).

И далее: «From the Chinese point of view, pacifism is not "noble"; it is simply "good" because it is common sense. If this earthly life is all the life we can have, we must try to live in peace if we want to live happily. From this point of view, the self-assertion and the restlessness of the spirit of the West are signs of its youthful rawness. The Chinese, steeped in his Oriental philosophy, can see that that rawness will gradually wear off at Europe's coming of age. For, strange as it may seem, out of the extremely shrewd philosophy of Taoism there always emerges the word "tolerance." Tolerance has been, I think, the greatest quality of Chinese culture, and tolerance will also become the greatest quality of modern culture, when that culture matures» [22]. (*«Китайцы считают, что миролюбие обусловлено вовсе не неким «благородством», а обычным здравым смыслом, ведь оно просто полезно. Если эта земная жизнь — единственная, которая нам дана, то нужно постараться жить в мире, раз мы хотим жить счастливо. С этой точки зрения самонадеянность и неутомимость духа Запада — это признаки незрелости, свойственной молодости. Китайцы, проникнутые восточной философией, скорее всего, понимают, что Европа постепенно избавится от незрелости и достигнет совершеннолетия. Может показаться странным, что в философии даосизма, весьма жесткой, всегда присутствует слово “терпимость”. Думаю, терпимость есть величайшее достижение китайской культуры, и оно станет*

величайшим достижением современной мировой культуры, когда эта культура достигнет своей зрелости»).

Духовная близость к природе проявилась в том, что, по мнению Линь Юйтана, сельский образ жизни всегда воспринимался как идеал. Технические изобретения ставились на второй план, а в литературе часто звучал призыв «возвратиться в деревню». Стремление к жизни на лоне природы было характерно поэтам, художникам и простым крестьянам. Близость к природе означала обладание физическим и нравственным здоровьем.

В своей работе Линь Юйтан подробно останавливается на такой характерной черте китайского национального характера, как удовлетворённость своей жизнью. Автор считает, что если взять человека западного и китайца, живущих в приблизительно одинаковых условиях, то последний будет более доволен своей жизнью. «It is true, however, that Chinese people are perhaps more contented than Western people, class for class, when living under the same conditions. This spirit of cheerfulness and contentment is found in both the literate and illiterate classes, for such is the penetration of the Chinese racial tradition. It may be seen in the gay, babbling rickshaw boy of Peking, for ever laughing and joking all the way and ready to laugh at a fellow-man's discomforts, or it may be seen in the panting and perspiring sedan-chair coolies who carry you up to the top of Kuling, or it may be seen in the boat-trackers who pull your boat up the Szechuen rapids and who earn for their living a bare pittance beyond two simple but hearty meals a day. A simple but hearty meal eaten without much worry is, however, a great deal of luck, according to the Chinese theory of contentment, for as a Chinese scholar has put it, "a well-filled stomach is indeed a great thing: all else is luxury of life» [22]. (*«И действительно, если китаец и человек с Запада живут в одинаковых условиях и принадлежат к одному и тому же слою общества, первый будет больше доволен своей жизнью, чем второй. Этот дух радости бытия, удовлетворенности жизнью свойствен как образованным, так и неграмотным китайцам — настолько сильным является влияние национальной традиции. Например, веселый и разговорчивый пекинский рикша. Всю дорогу он балагурит, шутит и готов посмеяться над собратом по делу. То же можно сказать и о задыхающихся, потных кули, которые поднимают вас на вершину горы Кулин в паланкинах. И о бурлаках, которые волокут вашу лодку через сычуаньские речные пороги. Их скудный заработок позволяет им дважды в день плотно поесть, правда, еда очень проста. Однако, согласно китайской теории об удовлетворенности человека жизнью, возможность без особых забот дважды в день поесть вдоволь — это большое счастье, а один китайский ученый сказал: «Наполненный, сытый желудок — великое дело, что сверх этого — роскошь»).*

Автор также полагает: «The Western approach to the problem of happiness is positive, while the Chinese approach is negative. The question of happiness is always reduced, in the last analysis, to the question of a man's wants» [22]. (*«Западные люди подходят к проблеме счастья активно, а китайцы, подобно Диогену, — пассивно, так что проблема счастья у них в итоге сводится к проблеме удовлетворения основных нужд и потребностей человека»*).

Пассивный подход к достижению счастья у китайцев обусловлен философией удовлетворенности. В отличие от Диогена, китайцы хотят только того, что может сделать их счастливыми, но они не станут проявлять настойчивость, если поймут, что не в их силах достичь этой цели. Отсутствие сожаления, в случае неосуществления цели и довольствование уже имеющимся, лежат в основе такой черты, как удовлетворённость жизнью.

Смысл жизни для китайца, по мысли Линь Юйтана, состоит в том, чтобы наслаждаться простыми радостями жизни, прежде всего, семейными, а также строить гармоничные отношения с обществом. Китаец не станет рассуждать о жизни после смерти, потому что, по его мнению, мы не живём чтобы умереть. «Chinese have a greater determination and capacity to enjoy the few things they have. This trait, our concentration on earthly happiness, is as much a result as a cause of the absence of religion. For if one cannot believe in the life hereafter as the consummation of the present life, one is forced to make the most of this life before the faxce is over. The absence of religion makes this concentration possible» [22]. (*«Китайцы обладают большей решимостью и способностью пользоваться теми немногими вещами, которые у них есть. Эта черта, концентрация на земном счастье, является таким же результатом, как причина отсутствия религии. Ибо, если вы не можете верить в жизнь в будущем как завершение настоящей жизни, человек вынужден максимально использовать эту жизнь до того, как закончится факс. Отсутствие религии делает эту концентрацию возможной»*).

В книге «Моя страна и мой народ» мы также находим рассуждения и о китайском интеллекте. Линь Юйтан считает, что интеллект китайцев наиболее чётко проявился в двух аспектах: трусость и великолепные познания в области литературы, живописи и каллиграфии.

Первый аспект автор объясняет следующим образом: «I have already suggested that the Chinese suffer from an overdose of intelligence, as shown in their old roguery, their indifference, and in their pacifism, which so often borders on cowardice. But all intelligent men are cowards, because intelligent men want to save their skins. There can be nothing more silly, if we keep our minds clear enough to see it, than a man popping his head "over the top," with gin-manufactured outrage, in

order to meet a lead bullet and die for a newspaper manufactured "cause/" If he can use his head in reading news- papers, he will not be at the front, and if he can abstain from gin and keep a cool head, he will logically and humanly be in a blue funk. The last war has taught us that many gentle souls who shine at school or college undergo a mental torture of which the more robust and less intelligent have no inkling of an idea. And it is not the novice but the man in service for four years who begins to realize that desertion is often a virtue one owes to oneself and the only sane course open to a sensible and honest man» [22] (*«Я уже предположил, что китайцы страдают от передозировки интеллекта, их безразличие и в их пацифизме, который так часто граничит с трусостью. Все умные люди - трусы, потому что умные люди хотят сохранить свою шкуру. Не может быть ничего глупее, если человек, начитавшись газетной пропаганды, с пьяной храбростью вылезет из укрытия, чтобы получить пулю в лоб. Если он будет думать головой при чтении газет, он не побежит на фронт, не поддастся пропаганде. Последняя война научила нас, что многие нежные души, которые блистают в школе или колледже, испытывают душевные муки, о которых более толстокожие и менее умные не имеют и представления. И не новичок, а человек, служащий несколько лет, начинает осознавать, что дезертирство часто является добродетелью по отношению к самому себе и единственным разумным выходом для умного и честного человека»*).

Что касается второго аспекта, здесь китайцы достигли больших высот. На протяжении многих столетий, подготовка к сдаче государственных экзаменов, изучение поэзии и прозы позволяло развить безупречный литературный вкус, развитие живописи и каллиграфии привело к широкому распространению этих видов искусства и высокому уровню мастерства. «The old imperial examinations which, as I have pointed out, were a kind of intelligence test, long ago sharpened the Chinese scholar's mind in the fine use of words and in subtle literary distinctions, and the cultivation of poetry has trained them in the higher spheres of literary expression, and in taste and finesse. The Chinese art of painting has reached a height yet unreached by the West, and in calligraphy they have forged a way alone and reached what I believe to be the maximum variety and refinement in the conception of rhythmic beauty» [22]. (*«Древние императорские экзамены, которые, как я отметил, были своего рода тестом на интеллект, китайские учёные овладевали искусством использования утончённой и изящной лексики, учились различать нюансы смысла и совершенствовать своё мышление Китайское искусство живописи достигло высот, еще не достигнутых Западом, а в каллиграфии они пошли собственным путём и добились максимального разнообразия и совершенства письма»*).

Изучив произведения Линь Юйтана и Бо Яна, можно выделить следующие основные черты китайцев:

- Линь Юйтан: консервативность, терпение, равнодушие, лукавство, неорганизованность, миролюбие, изобретательность, простота, духовная близость к природе и удовлетворённость своей жизнью;
- Бо Ян: отсутствие единства, неспособность признавать ошибки, шумность, консервативность, неспособность к самоорганизации и др.

Можно сделать вывод, что проблему они видели не в природе и генах, а в традиционной культуре. Несмотря на то что писатели творили в разные периоды, их мнения относительно отрицательных черт характера китайцев сходятся во многом.

Приведём некоторые цитаты из рассмотренных работ авторов.

«I believe that these are effects of culture and environment and hence are not necessarily a part of the Chinese mental make-up. They are here today because for thousands of years we have been living under certain cultural and social influences» [22]. (*«Я считаю, что все эффекты – результат влияния культуры и социального окружения и не обязательно являются неизменными чертами национальной психологии. Эти качества возникли и существуют, так как мы в течении нескольких тысячелетий жили под воздействием определённой культурной и социальной среды»*) (Линь Юйтан).

«是不是我们中国人的品质真的有了问题？是不是上帝造我们中国人的时候，就赋给我们一个丑陋的内心？我想不应是品质问题，这不是自我安慰，中国人可是世界上最聪明的民族之一，在美国各大学考前几名的，往往是中国人，许多大科学家，包括中国原子科学之父孙观汉先生，诺贝尔奖金得主杨振宁、李政道先生，都是第一流的头脑。中国人并不是品质不好，中国人的品质足可以使中国走到一个很健康、很快乐的境界，我们有资格做到这一点，我们有理由相信中国会成为一个很好的国家。但我们不必整天要我们的国家强大，国家不强大有什么关系？只要人民幸福。在人民幸福了之后，再去追求强大不迟。我想我们中国人有高贵的品质» [30]. (*«Неужто и впрямь дело в наших природных данных? Неужто бог, создавая китайцев, вложил в наши тела безобразные души? Не думаю. И говорю это не для самоутешения. Ведь китайцы — один из самых умных народов в мире! Во всех американских университетах несколько первых мест всегда принадлежат китайским студентам; среди китайцев немало крупных ученых, взять хотя бы отца китайской атомной физики господина Сунь Гуанханя, нобелевского лауреата Ян Чжэньнина — великие умы! Дело не в том, что природные данные китайцев плохи, нет, их природные данные достаточно хороши, чтобы построить*

здоровый и радостный Китай, у нас есть все основания верить, что Китай станет прекрасной страной!»).

«这样一个传统文化，产生了现在这样的一个现象，使我们中国人具备了很多种可怕的特征» [30]. (*«Традиционная культура наделила китайский народ чертами, которые внушают мне страх!»*) (Всё – Бо Ян).

Мнение Линь Юйтана таково: «For greater than all the other virtues is the virtue of Justice, and this is what China wants. This is my faith and my conviction» [22] (*«Величайшей из всех добродетелей является правосудие, именно оно и необходимо Китаю. Это моя вера и убеждение»*). По мнению автора, на чиновничество в то время нельзя было положиться, т.к. они не знали, как управлять государством и стремились лишь к собственной выгоде. Но нам стоит принять во внимание то, что высказывания писателя относятся к 1935 году, году написания книги «Моя страна и мой народ».

Бо Ян считает, что самое важное — развитие интеллектуальных способностей, потому что на протяжении нескольких тысячелетий за китайцев все решения принимали высокопоставленные чиновники, и народ был лишён возможности мыслить и развиваться. Кроме этого, китайцам также нужно научиться самокритичности, ибо она способствует самосовершенствованию и прогрессу.

ГЛАВА 3

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЛАО ШЭ И ЦЗЯН ЖУНА

3.1 Проблема национального характера в китайской литературе XX века

В современном китайском литературоведении нет единства мнений в отношении содержания и места темы национального характера в китайской литературе XX века. Так в «Краткой истории современной китайской литературы» литературоведа Тан Тао, первое издание которой появилось в 1984 г., упоминания о данной проблеме почти отсутствуют. Даже анализируя творчество Лу Синя, Тан Тао пишет, и то вскользь, лишь о «проблеме так называемого “национального характера”» [35, с. 66], над которой Лу Синь размышлял, обучаясь в Японии. Главным же в его творчестве была социальная критика, направленная против феодального строя. Тем самым значительно упрощается эволюция мировоззрения и творчества Лу Синя. Писатель вырывается из общего контекста критики феодальных пережитков в китайской культуре в первой четверти XX в. С другой стороны, вслед за начавшимся в середине 1980-х гг. «культурным бумом» и за некоторыми идеологическими послаблениями в сфере литературы и литературоведения появляются новые оценки и взгляды на современную китайскую литературу.

В этом отношении характерной является позиция литературоведов из Пекинского университета – Хуан Цзыпина, Чэнь Пиньюаня и Цянь Лицюня, заявленная ими на страницах журнала «Вэньсюэ пинлунь» (кит. – «文学评论»). Они утверждают, что «китайская литература XX века избрала своей генеральной темой «преобразование национальной души»» [27, с. 7], что критика общества и культуры, а также создание идеальных героев в произведениях пролетарского реализма (а затем соцреализма) есть лишь формы преломления темы национального характера. С их мнением сближается позиция Ли Синьюя, для которого пороки национального характера - главная составляющая более широкой критики культуры, а последняя и есть ведущая тема современной китайской литературы [24, с. 5-6].

В работах 1990-х гг. мы уже встречаем не такие взаимоисключающие оценки. Так Ян Ляньфэнь и Чжоу Юйнин, одни из авторов «Истории развития китайской литературы в 30-е годы», полагают, что тема национального

характера имела место лишь в 1910-20-е годы, а позднее она была вытеснена сугубо социальной критикой [34, с. 47].

В статье, посвященной критике культуры, и в частности теме национального характера в китайской литературе новейшего времени, Ли Синьюй, делая обзор разработки этой темы в предыдущие периоды, указывает, что в истории Китая всегда были озабоченные судьбой страны интеллектуалы, готовые развернуть критику действий тех, кто находился у власти. Однако при этом они оставались сторонниками традиции, а не ее противниками. Таким образом, в течение более чем 2000 лет культура Китая была законсервирована. Проникновение в Китай после опиумных войн западной культуры подтолкнуло, хоть и не сразу, саморефлексию китайцев, этот процесс усилился в 90-е годы XIX века. К представителям первой волны критиков китайской культуры Ли Синьюй относит Янь Фу, Лян Цичао и Цзоу Жуна [24, с. 5-6]. Однако всестороннюю критику феодальных пережитков (главным образом конфуцианских ценностей) в китайской культуре развернули уже деятели эпохи «4-го мая» Чэнь Дусю, Ли Дачжао, Ху Ши и Лу Синь. Одним из главных объектов критического рассмотрения как первых, так и вторых стали отрицательные особенности психологии китайцев, предопределившие слабость и унижение Китая при столкновении с иностранными державами в XIX веке. Как отмечают Хань Цзинтай и Ли Хуэй, после китайско-японской войны 1894-1895 гг. в Китае наблюдался рост национального самосознания и чувства ответственности за судьбу страны, при этом появилось понимание, что «путь прогресса и обновления лежит через самоотрицание» [26, с. 104]. Схожую оценку причин, этапов и персоналий критики китайской культуры дают Хуан Цыпин, Чэнь Пиньюань и Цянь Лицюнь, Ван Сяоцин, Ли Циншань, Се Цзюньмэй, Чжан Пинчжи и Ян Цзинлун [29, с. 23], добавляя к числу вышеназванных общественных деятелей и литераторов Тань Сытуна и Кан Ювэя.

Хань Цзинтай и Ли Хуэй, анализируя процессы, имевшие место в китайской культуре в 1920-30-е годы, утверждают, что, если 20-е годы характеризовались активным впитыванием иностранной культуры, то 30-е были временем ее переваривания в чреве национальной культуры, что было связано с ростом национального самосознания. Кроме того, обращению к национальной культуре в 30-е годы способствовало усиление иностранной агрессии, в частности, события 18 сентября 1931 года (захват Японией Маньчжурии) [26, с. 107].

Из многочисленных работ российских китаеведов, посвященных социальной и культурной критике, а также идеологической борьбе в первой

четверти XX в., особый интерес для данного аспекта нашего исследования представляют книга В. Ф. Сорокина «Формирование мировоззрения Лу Синя» (1958), статья Д. Н. Воскресенского «Место Запада в рассуждениях китайских литераторов начала XX в. о «самоусилении» (Линь Шу и его эссе-предисловия)» (1981), книга А. Г. Крымова «Общественная мысль и идеологическая борьба в Китае. (1900-1917)» (1972), статья Л. Н. Борох «Конфуцианская этика в эпоху модернизации (концепция “гун дэ”)» (1998), статьи А. Г. Афанасьева «Борьба против конфуцианства в период “движения за новую культуру”» (1982) и «Ли Дачжао и “движение 4-го мая”» (1971), а также статья З. Д. Катковой и Ю. В. Чудодеева «Китай – Япония: Эволюция социально-психологических стереотипов восприятия» (1982). Во всех этих работах с той или иной стороны анализируются причины, предопределившие культурную саморефлексию китайцев в начале 20-го века и их внимание к проблеме национального менталитета. В качестве лиц, внесших наиболее заметный вклад в идеологическую полемику этой эпохи, называются Тань Сыпун, Кан Ювэй, Лян Цичао, Чжан Тайянь, Линь Шу, Янь Фу, Сунь Ятсен, Ли Дачжао, Чэнь Дусю, Ху Ши, У Юй, Цянь Сюаньтун, И Байшао, Цай Юаньпэй и Лу Синь.

Говоря о теме национального характера в современной китайской литературе, Сун Юньи, Хуан Цзыпин, Чэнь Пинъюань и Цянь Лицюнь, Ли Синьюй, Хань Цзинтай и Ли Хуэй, Фань Цзюнь, Чжан Лошэн, Ван Сяоцин [23, с. 34], единогласно отдают лавры основоположника Лу Синю, который не только создал первое произведение, обличающее «людоедскую» мораль китайского общества (рассказ «Записки сумасшедшего» (1918)), но и обозначил основные объекты этой критики. Ли Синьюй подчеркивает, что главный акцент в своих размышлениях о культуре Лу Синь до и после 4-го мая 1919 г. делал именно на анатомировании и критике национального характера [24, с. 6]. Вместе с тем Ли Синьюй полагает, что Лу Синь отметил далеко не на все вопросы, даже из числа поставленных им самим. В частности, говоря о людях, составляющих «жилы, кости и хребет» китайского народа, в противоположность носителям психологических патологий, которые есть не более, чем «кожа», он, тем не менее, не создал полнокровного образа положительного героя. Кроме этого, в 30-е годы после восприятия Лу Синем классовой теории он более не продвигался по пути углубления критики пороков психологии китайцев [24, с. 9]. Сун Юньи отмечает, что на рубеже 30-х гг. в критике Лу Синем национального характера происходит перемещение внимания с деревни на город, который стал в то время «мертвой водой», где правили реакционеры. В целом, для всех вышеуказанных литературоведов

свойственно соотношение любых аспектов темы национального характера (о каком бы периоде не шла речь) с творчеством Лу Синя. Однако при этом о творчестве других писателей 1920-40-х гг., работавших в этом же направлении, говорится мало; они только называются.

В русском китаеведении творчеству Лу Синя посвящены работы более чем десятка исследователей, в частности, это книги и статьи А.Н. Желоховцева, В. В. Петрова, Л. Д. Позднеевой, В. Н. Рогова, В. И. Семанова, В. Ф. Сорокина, Н. Т. Федоренко и Л. З. Эйдлина.

В. Ф. Сорокин объясняет зарождение интереса Лу Синя к проблеме национального характера еще до Синьхайской революции следующим образом: «Лу Синь старался отыскать причины отсталости Китая, которая, по его мнению, объясняется не только маньчжурским завоеванием. Так как Лу Синь не мог еще материалистически объяснить законы развития общества, то искал решения в особенностях национального характера китайцев, каким он сложился в результате господства в обществе отсталых антинаучных воззрений и патриархальной морали» [7, с. 33]. По мнению В. Ф. Сорокина, критика феодальной «людоедской» морали – основная тема сюжетной прозы Лу Синя конца 1910-х - начала 1920-х годов. – прослеживается также и в его публицистике. В частности, в некоторых из заметок «Под впечатлением» «Лу Синь подвергает анализу и отрицает самые основы взаимоотношений людей в феодальном обществе, бичует дикие средневековые обычаи, вроде запрета вдовам вторично выходить замуж, восстает против деспотической власти мужа и отца над семьей» [7, с. 106]. В. Ф. Сорокин отмечает, что Лу Синь использует классовый подход в отношении морали и верит в человечность нравов простых людей, которые есть залог сохранения нации. Мотивом творческой активности Лу Синя в этот период было то, что, находясь по-прежнему на «позициях демократического просветительства», он «верил, что достаточно раскрыть пагубность отжившей феодальной морали и популяризовать в обществе новую систему воспитания, чтобы выросло новое поколение людей, которое обновит страну и перестроит ее на началах разума и справедливости» [7, с. 108]. По мнению В. Ф. Сорокина, основные черты национальной психологии, которые критикует Лу Синь, это пассивность, привычка к повиновению, фатализм, мещанство и, конечно же, философия моральных побед как «стремление укрыться от трудностей жизни вместо того, чтобы бороться с ними» [7, с. 168].

Проблема «национального характера» затрагивается и в работах, посвященных другим писателям, в частности, Л. А. Никольской в отношении Ба Цзиня (1976), З. Ю. Абдрахмановой (1987), В. Ф. Сорокиным (1993) и Н. А. Спешневым (1997) о Лао Шэ, В. Ф. Сорокиным о литературном критике

Ху Фэне (1999). Однако в целом термины «национальный характер» и «тема национального характера» используются не часто. Российские китаеведы, фактически говоря о том, что мы называем темой национального характера, предпочитают называть это критикой феодальной морали, конфуцианской этики, межчеловеческих отношений или нравов. Такой подход распространен, в частности, в работах Н. А. Лебедевой (1983) о Е Шэнтао, Н. Т. Федоренко (1972) о Чжан Тяньи, Л. З. Эйдлина (1971) о Лу Сине, О. П. Болотиной (1983) и А. А. Антиповского (1967) о Лао Шэ.

Схожая ситуация имеет место и в работах ученых Ся Чжицина (1962), Лю Уцзи (1966), Ли Оуфаня (1985), Д.Вана (1992) и француза Ж. Пимпано (1989), посвященных истории и теоретическим проблемам современной китайской литературы. Интересный штрих к обсуждаемой теме добавлен американским китаеведом Р. Хегелем. Следуя утверждению Ся Чжицина об «одержимости Китаем» в современной китайской литературе, он полагает, что «озабоченность Китаем, в целом, есть очевидная характеристика китайских писателей 20-го века» [21, с.26]. Однако, как это ни парадоксально, данная «озабоченность» вызвана не только идеями антиконфуцианского «движения 4-го мая», но и конфуцианским чувством ответственности перед государством. Одно из нечастых упоминаний о национальном характере мы находим у Лю Уцзи, который отмечает, что образ А-кью несет в себе национальные черты китайцев, такие как самообман, готовность подчиниться сильному, а самому подчинить слабого.

Литературоведы из Пекинского университета Хуан Цзыпин, Чэнь Пиньюань и Цянь Лицюнь в рамках темы национального характера выделяют «две разнонаправленные подтемы. Первая идет по отрицающему пути в духе лусиневского критицизма и проявляется в литературе в форме культурной и социальной критики, глубоко и остро атакуя порожденные долгим господством феодализма невежество, отсталость, малодушие, равнодушие, своекорыстие и консерватизм. Вторая подтема разворачивается по утверждающему пути и с большим энтузиазмом отыскивает «хребет китайцев», призывает к появлению новых людей, либо создает идеализированных героев – примеров для подражания. Если в русле первой подтемы родился немеркнущий образ А-кью с его методом «моральных побед», и тем самым исследование национального характера в отрицающем направлении достигло непревзойденной глубины; то в русле второй подтемы идеальные герои следовали одни за другими и постоянно менялись [27, с. 156].

Иногда это были радикальные и хладнокровные революционеры, иногда – грубоватый, но простой и честный человек или отзывчивый добряк, иногда – люди, возвратившиеся к старым идеалам верности и сыновней

почтительности, либо мягкости, доброты, уважительности, бережливости и уступчивости» [27, с. 7]. Отличия в образах идеальных героев, и соответственно в изображении национального характера, объясняются, по мнению тех же исследователей, разным пониманием идеального в различных исторических и культурных условиях. Нередко качества, которые вчера еще осуждались, сегодня, наоборот, стали превозноситься [27, с. 7].

В подтверждение и развитие мысли пекинских ученых хунаньский литературовед Чжан Лошэн пишет про литературу 1930-40-х гг., что «если упор на первую подтему делали такие писатели как Чжан Тяньи, Шэнь Цунвэнь, Сяо Хун, Ша Тин, то ко второй тяготели Цзян Гуанцы, Дин Лин, Сунь Ли, Лю Цин, Лян Бинь. Что же касается таких писателей как Лао Шэ и Чжао Шули, то они разрабатывали оба направления» [28, с. 34]. В литературе же 1920-х гг. тема национального характера представлена главным образом в произведениях Лу Синя и Е Шэнтао. Чжан Лошэн отмечает также появление в творчестве Лу Синя и Е Шэнтао второй половины 1920-х и в 1930-х годов идеальных героев, «обладающих положительными чертами традиционной нравственности и духом сопротивления», таких как Великий Юй из «Покорения потопа» Лу Синя (1935) и Дин Юйшэн из рассказа Е Шэнтао «В городе» (1925).

В отличие от Хуан Цзыпина, Чэнь Пиньюаня и Цянь Лицюня, широко трактующих тему национального характера, авторы «Истории развития китайской литературы в 30-е годы» подчеркивают ее этапный характер, считая, что она лишь отрезок в развитии просветительской литературы. Как указывается в этой работе: «С момента своего рождения современная китайская проза считала своей обязанностью просветительство, а преобразование национального характера и пробуждение в китайцах человеческого достоинства своей целью, поэтому можно сказать, что просветительство есть этическая особенность современной прозы. Если преобразование национального характера было ценностной ориентацией современной китайской литературы в первое десятилетие ее существования, то в 30-е годы в ценностных критериях произошли дальнейшие изменения: часть писателей в условиях кровавой мрачной реальности не смогла спокойно отсиживаться в «башне из слоновой кости» и своей задачей поставила преобразование общества, они старались с помощью литературы повлиять на социальную действительность. А другая часть писателей в литературе сторонилась политики. Они стремились к эстетической ценности литературы и считали, что истинной целью литературы является улучшение души человека под влиянием искусства» [34, с. 47-48]. К первой группе отнесены писатели члены «Лиги левых писателей», в частности, Дин Лин, Жоу Ши, Е Цзы, Вэй Цзиньчжи, Оуян Шань, У Цзусян, Чжан Тяньи, Ша Тин и Ай У, а ко второй - писатели, связанные с так называемой

«столичной группой», в частности, Шэнь Цунвэнь, и шанхайской модернистским неосенсуалистским кружком «Новое восприятие» - Лю Наоу и Му Шиин.

Хуан Цзыпин, Чэнь Пиньюань и Цянь Лицюнь указывают, что в рамках магистральной темы «преобразования национальной души» основное внимание уделялось изображению крестьян и интеллигентов [27, с. 7]. По нашему мнению, в разработке этой темы явно проявилась и индивидуальная специфика авторов. В творчестве Лао Шэ, например, большое внимание уделено психологии городской бедноты и полицейских, выделяются образы пекинцев и маньчжур как особых культурных и этнических общностей, с присущими ими особенностями психологии.

Чжан Лошэн указывает, что одними из основных художественных средств реализации темы национального характера были сатира и юмор, начало чему положил Лу Синь, а подняли их на качественно новый уровень Лао Шэ и Чжан Тяньи. Вклад в развитие сатиры и юмора в Китае также внесли Ша Тин, Цзян Мулян, Чжан Хэнпуй, Чэнь Байчэнь, Цянь Чжуншу и Юань Шуйпо, затем их дело продолжили Чжао Шули, Чжоу Либо, Ма Фэн, Ван Мэн и Гао Сяошэн. Чжан Лошэн усматривает главные корни китайской сатиры и юмора, с одной стороны, в национальной традиции, идущей от «Неофициальной истории конфуцианцев» У Цзинцзы, а с другой, в иностранной сатире, в частности в Гоголе.

Литературный критик Лэй Да, анализируя китайскую литературу первого десятилетия реформ, пишет, что «повторное открытие национальной души и ее повторная переплавка – главный курс литературы в последние 10 лет» [25, с. 16]. В качестве примеров называются Гао Сяошэн и Цзя Пинва, исследующие «душу крестьян», Чжан Сяньлян, чьи главные герои интеллигенты, а также вся литература «поиска корней». В то же время, по мнению Лэй Да, в разработке темы национального характера в новейшей литературе обозначились три основных недостатка. Во-первых, писатели вышли на рубежи, достигнутые Лу Синем, но не расширяют их. Во-вторых, в национальном характере открываются лишь устаревшие элементы и ценности. В-третьих, имеется тенденция шаблонности образов.

По справедливому мнению Ли Синьюя, возобновление размышлений о культуре в конце 1970-х - начале 1980-х гг. исторически обусловлено. «Они являются продолжением. выполнения задач, нерешенных «движением 4-го мая». Это есть развитие и углубление антифеодальной идейной революции, по ряду причин прервавшейся на несколько десятилетий» [24, с. 5]. Более того, «из-за всем известных исторических потрясений национальные пороки

чрезвычайно усилились и явственно проступили» [24, с. 11]. Он также выделяет четыре аспекта, на которых сконцентрировалась критика национального характера в новейшей литературе: во-первых, робость и покорность; во-вторых, раздвоение личности на раба и хозяина; в-третьих, консерватизм и преклонение перед стариной; в-четвертых, философия «моральных побед» и удовлетворенности наличным [24, с. 6-9]. Как и Лэй Да, Ли Синьюй отмечает, что современная критика пороков китайцев в целом ограничена содержанием, заложенным еще Лу Синем, кроме того, она не всегда достаточно глубока. В то же время к достижениям в критике национальной психологии Ли Синьюй относит разработку проблемы развращения человека властью - народный лидер, заняв высокое кресло, переживает метаморфозы и в нем проявляется все, против чего он боролся. Оказывается, что и революционер может быть латентным носителем нравственных патологий.

Удачным примером такого образа является Тянь Цзясян из повести Ван Чжаоцзюня «Предрассветные похороны». Не отрицая новизны такого поворота темы по сравнению с творчеством Лу Синя, хотелось бы отметить, что сюжет все же не нов – в «Песенках Ли Юцяя» (1943) Чжао Шули уже был создан сходный образ деревенского активиста Сяо Юаня, у которого появились барские замашки и изменилось отношение к труду, когда он стал начальником отряда самообороны. Другой новацией Ли Синьюй считает разоблачение неприглядных сторон великих исторических событий. Например, в романе Чжан Вэя «Старинная лодка» обнажается варварство и бессмысленная жестокость крестьян по отношению к помещикам во время земельной реформы – каннибализм, изнасилования, погребение заживо, надругательство над трупами и так далее [24, с. 10].

Еще одну интересную мысль высказывают Хуан Цзыпин, Чэнь Пиньюань и Цянь Лицюнь. По их мнению, «в сравнении с мировой литературой китайской литературе XX-го века, за исключением ее лучших произведений, в общем, явно недостает философской глубины в изучении человеческой сущности. «Допросы» души в стиле Достоевского почти отсутствуют» [27, с. 7].

Точки зрения российских литературоведов представлены в сборнике «Интернациональное и национальное в литературах Востока» (1972). В статьях сборника рассматриваются такие вопросы, как соотношение интернационального и национального компонентов в литературах Востока, межлитературные связи, сущность национального своеобразия литературы и содержание национального характера.

Одна из наиболее интересных статей в этом сборнике – работа Ю. И. Суровцева «Национальное своеобразие и национальный характер

(методологические заметки)», где автор в острой форме полемизирует с теми литературоведами и искусствоведами (Н. И. Малаховым, М. К. Айвазяном), которые объясняют национальное своеобразие произведений искусства проявлением свойств национального характера. Одно из главных противоречий при такого рода абсолютизации национального характера автор усматривает в том, что в этом случае один и тот же национальный характер порождает многочисленные различающиеся и даже противоположные течения в литературе и искусстве одного народа. Не отрицая полностью влияния национального характера, Ю. И. Суровцев утверждает необходимость «многостороннего анализа эстетико-исторической специфики произведений искусства» [9, с. 28].

По мнению И. С. Брагинского, «описание и изображение национального характера в художественном произведении бывают гораздо более наглядными и точными, чем абстрактные, обычно перечислительные определения, которым всегда присущи ограниченность и односторонность» [1, с. 25]. Кроме того, он полагает, что проблема национального характера является одним из ключевых вопросов в рамках проблемы соотношения национального и интернационального в литературе.

Л. Е. Черкасский также указывает, что «изучение литературных связей, выявление их взаимообогащающих функций невозможно без решения еще целого ряда вопросов: о сущности национальной специфики, о национальном характере, о компонентах, определяющих национальную самобытность писателя. Очень сложна проблема национальной формы, особенно если включать в ее сферу вопросы языка, художественно-изобразительных средств, литературных и исторических традиций, реалий, нравов, обычаев, географических особенностей и так далее» [12, с. 135].

Американская исследовательница О. Ланг, рассуждая о произведениях литературы реализма, полагает, что «писатель, как человек, обладающий огромными способностями к наблюдению и большой интуицией, может изобразить существенное, типическое в людях его окружающих. Никакой другой источник не может дать лучшего описания обычного человека, а также ведущих фигур общества, их отношения к политической и социальной системе, моральным нормам, а также их образа жизни и идеалов» [17].

Вместе с тем представляется важным принять во внимание и замечание Р. Хегеля о том, что личность в литературном произведении все же не идентична любому реально живущему человеку, литература есть несмотря ни на что искажающее зеркало» реальности. При этом американский ученый выделяет два типа личности в художественном произведении - создаваемую и

разоблачаемую. Первые «включают в себя то, что их создатели считали существенным для конкретных образов. Их изучение сразу же обнаруживает через сходные черты, что писатели понимали под художественным воплощением личности» [21, с. 3]. Вторые же «есть те индивидуальные черты психики писателей, которые они бессознательно либо намеренно проявили в своей работе как самовыражение» [21, с. 3].

С отображением в литературе национального характера связан и вопрос об изображении характера как такового. С. А. Торопцев применительно к китайской литературе указывает, что художественный герой традиционно был и во многом остается в Китае не более чем знаком, символом чего-либо, а не индивидуальностью и личностью. Художественные характеры отличаются крайней схематизацией, а действия героев всегда обусловлены нормативными рекомендациями. Исследователь связывает такое состояние художественного мышления, во-первых, с затянувшимися средневековыми общественными отношениями, а, во-вторых, с конфуцианством, рассматривавшим человека не «как суверенную, вполне самоценную личность со своим внутренним миром», а как человека «в социальных связях, маленькую клеточку большого клана, от него неотрывную» [11, с. 86-88]. Психологизацию изображения персонажей, появление в литературе субъективного начала С. А. Торопцев связывает с творчеством Лу Синя, Лао Шэ, Ба Цзиня и Мао Дуня, однако, в целом, ни в 20-30-е, ни в последующие годы «характер развиться и закрепиться не сумел» [11, с. 88].

Об ограниченности и недостаточности психологического анализа в китайской классической литературе пишет и американский китаевед Дж. Бишоп, указывающий, что в китайской прозе редко встречается расхождение между тем, что говорится и тем, что думается. Однако причину этого он видит в отсутствии в китайской прозе, в отличие от английской и французской литератур, «женской аристократической традиции», для которой характерен тщательный анализ чувств и душевных состояний [20, с. 243-244].

Делая вывод, можно сказать что в китайском литературоведении нет единого мнения в отношении содержания и места национального характера в китайской литературе XX века. Такие учёные, как Ян Ляньфэн и Чжоу Юйнин считают, что тема национального характера имела место лишь в 1910-20-е годы, а позднее была вытеснена социальной критикой. Что касается первого писателя, заговорившего о национальном характере, большинство учёных единогласно называют основоположником этой темы Лу Синя, который впервые в китайской литературе стал критиковать нравы общества и искать причины его отсталости. Однако, по мнению Хуан Цзыпина, Чэнь Пиньюаня и

некоторых других исследователей, китайской литературе недостаёт глубины в изображении сущности человека. С этой точкой зрения соприкасается точка зрения российских учёных, считающих, что характеры в художественной литературе крайне схематичны, и с развитием литературы они не смогли развиваться и закрепиться в ней.

В целом, проблема проявления национального характера в художественной литературе востоковедческим литературоведением скорее только намечена, нежели разработана. Представляется актуальным на примерах творчества отдельных писателей изучить вопросы влияния особенностей национальной психологии как на поэтику, так и содержание художественного произведения, а также на усвоение опыта зарубежных литератур. Не меньший интерес представляют и вопросы, связанные с восприятием и воссозданием писателем национального характера своего народа, а также изображением особенностей психологии иностранцев.

3.2 Своеобразие изображения национального характера китайцев в произведениях Лао Шэ

В Китае изучение творчества Лао Шэ насчитывает уже многие десятилетия, его начало принято отсчитывать со времени появления в 1929 г. статьи известного китайского писателя Чжу Цзыцина «Философия Чжана» и «Чжао Цзыюэ».

Роман Лао Шэ «Двое Ма» (老舍 «二马») [13, с. 12], написанный в 1929 году, является очень важным произведением в плане объяснения национального характера китайцев. Особенностью романа можно назвать то, что он рассматривает материал, который ранее не использовался в изучении данного вопроса, а именно – сравнение психологии англичан и китайцев. В китайской литературе до Лао Шэ не было произведений, где бы китайцы и иностранцы подвергались сравнению, особенно, когда действие происходило не в Китае, а за границей. Даже знаменитый Лу Синь описывал события городка либо деревни.

В романе тема национального характера выражается несколькими способами: во-первых, это многочисленные авторские ремарки, которые приносят в произведение публицистичность, а во-вторых, это взаимодействие китайцев и англичан в произведении.

Действие романа происходит в Лондоне 20-х годов и сосредоточено вокруг превратностей в личной и социальной жизни двух китайцев – отца и сына по фамилии Ма, прибывших из Пекина в Лондон, чтобы вступить во владение доставшейся им по наследству антикварной лавкой. Большую роль в сюжете играет конфликт отца и сына – как представителей старого и нового поколений Китая. Кроме этого имеет место и конфликт китайских персонажей с англичанами. В конечном итоге, и отец, и сын терпят поражение в столкновении с чужеродным миром.

Необходимо отметить, что роман писался прежде всего для китайского читателя, т. к. мы можем встретить слова из китайской традиционной этики, например, 面子 ‘мяньцзы’ «лицо», 脸 ‘лянь’ «лицо» и т.д. Образы англичан в романе контрастируют с образами китайцев, часто отрицательные черты психологии китайцев показаны именно на таком контрасте.

Персонажи-англичане в романе очень разнообразны, они различаются по возрасту, характеру и роду деятельности. Среди них пастор Эванс, его жена, брат жены бизнесмен Александр, молодые люди Пол и Кэтрин Эванс, Мэри Уиндоу и ее жених Вашингтон, а также миссис Уиндоу. Как пояснял Лао Шэ, «каждый персонаж что-нибудь символизирует, я не смог полностью лишить их

индивидуальности, но сделал акцент на воплощенном в них национальном характере» [13, с. 173]. То есть, можно сказать, что национальный характер в романе выходит на первый план, отодвигая назад индивидуальные черты.

Лао Шэ показал не только внешние отличия в обществе англичан, такие как поцелуи на улице, тишину на вокзалах и чистоту ресторанов. Он проник глубже, показывая ценностные различия двух народов.

По мере продвижения сюжета Лао Шэ часто отмечает, что англичане порой умышленно привлекают внимание к своим успехам и заслугам, пытаясь вызвать похвалу и одобрение окружающих. По мнению китайцев, такое поведение неправильно, для них более характерно принижение своих заслуг и преувеличение достоинств собеседника. Поэтому, когда пастор Эванс начинает расхваливать чистоту ресторана, в который он привел перекусить старого и молодого Ма, а затем еще и не берет на себя оплату счета, китайским героям это кажется очень странным: пастор ведет себя не как хозяин, а как гость. По мнению китайских персонажей, англичане любят спорить и иметь своё мнение по любому вопросу, даже когда оно не совпадает с мнением и интересами группы.

В романе «Двое Ма» англичане и китайцы по-разному ведут себя во время душевных переживаний. Например, если Мэри всегда изливает душу матери, ищет у той совета, делится переживаниями, то молодой Ма Вэй привык держать все чувства и эмоции внутри и самостоятельно никогда не делиться ими ни с близкими, ни с знакомыми. Такое поведение может казаться странным во внешне сплочённой семье. То есть, Лао Шэ подчёркивает такую черту китайцев, как закрытость.

Очень разное отношение у китайцев и англичан и к конфликтам. Когда Пол и Ма Вэй подрались, миссис Уиндоу и пастор сочли это за обычное событие в жизни молодых мужчин, тогда как у старшего Ма это событие вызвало потрясение и однозначное неодобрение, потому что китайцы с детства прививают детям стремление к компромиссу и терпимость. Англичане, отстаивая свои интересы открыто вступят в конфликт, тогда как китайцы будут искать способ решить вопрос, не рискуя потерять лицо. Однако, при всём индивидуализме англичан, есть одна черта, вызывающая одобрение старшего Ма, – это готовность прийти на помощь незнакомому человеку, случайному прохожему, попавшему в беду. По мнению Лао Шэ, китайцы скорее будут просто наблюдать за происходящим, а помогать станут, только если оказавшийся в беде человек это их родственник или друг.

По мнению старшего Ма, главный признак, который отличает англичанина как «заморского дьявола» от китайца, – это отношение к старшим.

Пожилые люди не должны утруждать себя проблемами заработка, если в семье есть молодое работающее поколение. Авторитет старших и принцип сыновьей почтительности позволяет им не думать о зарабатывании средств для семьи. А то, что пастор Эванс, пребывая на пенсии, пытается написать книгу о Китае и получить профессорскую кафедру, чтобы увеличить свой вклад в доходы семьи и, таким образом, повысить свой авторитет и обрести душевное спокойствие, в корне противоречит китайским представлениям о роли старших в семье.

Однако, в авторских ремарках Лао Шэ отмечает и такие качества англичан, которые нравятся писателю и которые он, возможно, желал бы видеть у самих китайцев. Это самостоятельность и чувство гражданского долга, любовь к порядку и самоирония, подкреплённая чувством юмора.

Образом, в котором собраны наиболее яркие черты старого Китая, является образ старшего Ма. Это не отрицательный, но и не положительный герой, он просто представляет собой большую часть традиционного старшего поколения Китая.

В то же время Лао Шэ в образе старшего Ма подвергает критике такие черты китайцев как несамостоятельность и конформизм, являющиеся порождением чрезмерной норматизации старого китайского общества, где поведение человека определялось не столько им самим, сколько поведенческими штампами общества. Какая профессия самая лучшая? – Чиновник! Почему нужно жениться? – Возраст пришёл! Зачем брать наложницу? – Важному человеку иметь одну жену не положено.

В целом, вариант спасения страны, предлагаемый Лао Шэ в этом произведении, заключается в том, чтобы отбросить «размахивание флагами» и начать усердно учиться, так как Китаю для модернизации нужны новые знания. Начать модернизацию следует с преобразования национального характера, переоценки культурных ценностей, опираясь при этом не только на свою национальную культуру, но и культуру Запада.

В декабре 1933 года появляется в печати рассказ Лао Шэ «Обнять внука» («拥抱孙子») [13, с. 356]. В данном произведении высмеиваются такие черты китайцев, как консерватизм, невежество, суеверность. Молодая женщина и её ребёнок становятся жертвами отсталости и консерватизма бабушек, которые больше всего желают видеть наследника здоровым, и поэтому всячески помогают роженице. Однако их помощь, на самом деле, только создаёт проблемы и, в конечном итоге, приводит к трагическим последствиям. Свекровь постоянно перекармливает женщину, из-за чего она не может самостоятельно родить. Но бабушки не отводят её в больницу, а приглашают монахиню для чтения специальных заклинаний, помогающих родам. И только

после нескольких дней мучений роженица была доставлена в больницу. Она нуждалась в операции, чего свекровь категорически не желала и согласилась лишь под угрозой гибели ребёнка. Будучи абсолютно далёкой от современных достижений медицины, она сразу забрала младенца из больницы, несмотря на уговоры врачей. Из-за того, что мальчик был ещё очень слабым, он заболел и умер в тот же день, заразившись от одной из бабушек. Посчитав, что во всём виновата больница, родственники забирают оттуда молодую женщину. Однако она вскоре умирает от расхождения швов. Во всей этой истории, полной невежества и отсталости, поражает то, что все родственники безразличны к самой роженице, они заботятся лишь о внуке. Лао Шэ подчёркивает данное впечатление в названии, именно «Обнять внука», а не сына. Примечательно также, что в рассказе нет отца ребёнка.

Подобного рода ценностные ориентации, совершенно очевидно, имеют своим источником конфуцианство. Избрав сюжет, демонстрирующий, как традиционная установка на приоритет интересов рода приводит к гибели его продолжателей, Лао Шэ намекал на возможную печальную участь всей страны, если ее жители будут упорствовать в своей отсталости. На пути к прогрессу необходимо учиться и постигать новые знания, оставляя позади всё устаревшее.

В октябре 1929 г. Лао Шэ прибывает из Марселя в Сингапур. У популярного писателя были знакомства в сингапурских отделениях издательств «Шаньу» и «Чжунхуа шуцзюй», что позволило ему получить в Сингапуре работу учителем китайского языка. Лао Шэ сильно впечатлил Сингапур и сингапурские китайцы. Писатель считал, что в основе успеха лежат такие качества китайцев, как терпение, упорство, трудолюбие, храбрость. Процветание китайцев в Сингапуре вызвало у Лао Шэ восхищение собственной нацией.

Однако это не повлияло на способность писателя увидеть недостатки и проблемы национального характера. Он отмечал, что сингапурские китайцы разобщены, общаются только в пределах группировок, которые делятся по региональному признаку. Наиболее влиятельными были контролировавшие промышленность и торговлю выходцы из провинций Фуцзянь и Гуандун, а преподаватели, например, происходили преимущественно с севера Китая и из провинций Цзянсу и Чжэцзян. Культурная жизнь в городе очень отличалась от Пекина и Шанхая. Поскольку в местном обществе царил деловой дух, здесь мало интересовались литературой и искусством. Лао Шэ очень хотелось написать о жизни в Сингапуре, и вскоре он приступил к созданию повести под названием «День рождения Сяопо» («小坡的生日») [13, с. 300]. Эта повесть была опубликована в 1931 году.

Место действия – Сингапур, где бок о бок живут приехавшие сюда в поисках лучшей доли китайцы и индийцы, бирманцы и малайцы. Время действия - 30-е годы прошлого века. Главный герой этого произведения – мальчик, по имени Сяопо, а действие происходит как наяву, так и во сне героя. То, что герой – ребёнок, неслучайно, ведь Лао Шэ в Сингапуре общался преимущественно с детьми и их очень любил.

В целом, повесть носит антиимпериалистическую и антифеодальную направленность. Автор показывает дружбу китайских, малайских и индийских детей, разнь их родителей, исполненных феодальными предрассудками. Так как Лао Шэ повествует от лица ребёнка, все эти предрассудки показаны с детской непосредственностью и простотой.

Наиболее ярко в произведении показано разделение китайской общины по земляческому признаку. Гуандунцы презирают фуцзяньцев, фуцзяньцы - гуандунцев, и те, и другие – шанхайцев. Кроме того, все китайцы, вместе взятые испытывают неприязнь к малайцам и индийцам. Мальчик Сяопо не понимает, почему его отец против, чтобы он общался с негуандунцами. Он искренне полагает, что все они были сначала малайцами, а уж затем поменяли цвет кожи. Родители убеждают мальчика, что гуандунцы – лучше всех остальных, богаче и умнее, и именно с ними стоит водить дружбу. Всё это навязано конфуцианской моралью, которая предполагала иерархичное отношение к человеку. И если в мире детей все объединены, то в мире взрослых – наоборот. Здесь китайцы - лавочники и предприниматели, индийцы – сторожа, малайцы – полицейские, арабы – мелкие торговцы, европейцы – военные. Однако, Сяопо тоже не чужды некоторые национальных предрассудки, например, он говорит, что малайцы ленивы.

На день рождения Сяопо папа отводит его в зоопарк и в кино. Вернувшись вечером домой, переполненный положительными эмоциями, Сяопо засыпает и под впечатлением от увиденного ему снится сказочный сон. Горькой пародией на нравы Китая явилось увиденное Сяопо во сне царство обезьян на Волчьей горе, где правит школьный приятель Сяопо Чжан Лысый. Рецепт Чжана по удержанию власти следующий: *«как увижу, что какая-то обезьяна посильнее, любит озорничать и баламутить, я сразу братаюсь с ней, дружу, делаю подарки, а потом внезапно откусываю ей ухо и ниспровергаю! А что касается послушных обезьян, то им при встрече сразу даю затрещины, чтобы, встретив меня, дрожали»* [13, с. 306]. Писатель высмеивает и армию обезьян, которая боится волков и не осмеливается даже подойти к ним. По сути, многие моменты в повести – это противопоставление нравов в Сингапуре порокам Китая.

Делая вывод, можно сказать, что в своих произведениях и хвалит, и порицает китайцев. Он считает положительными упорство, терпение, трудолюбие народа. Но в тоже время, Лао Шэ подвергает критике такие черты китайцев как конформизм, несамостоятельность, консерватизм, суеверность, разобщённость, а также отсталость. Причиной этому, по мнению Лао Шэ, во многом стало конфуцианство, излишне норматизировавшее общество.

Путь к исправлению, считает писатель, заключается в учении и постоянном постижении новых знаний, что позволит китайскому народу развиваться и идти вперёд.

3.3 Концепция национального характера в художественной картине романа Цзян Жуня «Тотем волка»

В современном мире китайская литература постепенно приобретает всё большую и большую популярность. Тематика произведений постоянно расширяется, растёт количество уникальных авторов, которые становятся известными и узнаваемыми во всём мире, они награждаются различными международными премиями, их произведения переводят на иностранные языки. К ним бесспорно относится и китайский автор Цзян Жун (кит. – 姜戎), создавший роман «Тотем волка» («狼图腾») [36].

Цзян Жун, настоящее имя которого Люй Цзяминь, родился в Пекине в 1946 году. В 1967 г. переехал добровольцем во Внутреннюю Монголию для «служения народу», во время «культурной революции». Вернувшись оттуда в 1978 году, будущий писатель поступил в аспирантуру Китайской академии общественных наук, а после окончания преподавал в Пекинском университете.

У писателя всегда было собственное мнение на многие вещи, а в то время это считалось опасным преступлением. Впервые его заклеили как «контрреволюционера» в восемнадцать лет за эссе, написанное в 1964 году, в 1978 году он стал организатором выступлений за реформы «Пекинская весна» и еле избежал смертной казни. В 1989 году принимал деятельное участие в движении протеста на площади Тяньаньмэнь, и заработал еще 18 месяцев тюрьмы за «контрреволюционную деятельность» [17].

Роман «Тотем волка» («Волчий тотем») был опубликован в 2004 году, после 6 лет работы над ним, и мгновенно стал популярным во всей Поднебесной. После выхода в свет книга 479 недель подряд находится в десятке бестселлеров в Китае. «Тотем волка» издавался в Китае более 150 раз. Его общий тираж составил пять миллионов экземпляров, помимо этого были напечатаны 15 миллионов пиратских копий. Книга была переведена на 39 языков. После первого издания роман активно обсуждался, но на данный момент, он по-прежнему очень популярен в Китае.

Во время своего нахождения в степи Монголии Цзян Жун любил читать книги по истории и политике. Писатель также много размышлял о судьбе Китая и всего мира. Эти размышления навели его на мысль, что Китаю необходимы кардинальные перемены не только в политической и экономической сферах, но и в сфере культурной, а особенно, в сознании китайцев.

Главная особенность и уникальность романа состоит в том, что автор в нём выдвинул свою концепцию развития мировой цивилизации, становление

китайской государственности и, что самое интересное, нашел объяснение многовековым проблемам китайского народа.

Выдвижение каких-либо концепций, теорий невозможно без детального анализа, который, в свою очередь, невозможен без некоторых сравнений. В романе Цзян Жун сравнивает характеры и быт двух народов – китайцев и монголов.

Монголы – удивительный народ, обладающий своей древней и уникальной культурой, обычаями и традициями. Несмотря на урбанизацию, уклад степной жизни является определяющим в жизни монголов. Даже в городах большинство монголов живет в гэрах - белых шерстяных палатках, легко переносимых с места на место. Степным азиатским кочевникам чужда и непонятна озабоченная деловитость европейцев. Человек медлительный, степенный – в их понятии почтенный человек; занятый, торопливый, стремительный – достоин сожаления.

История монголов насчитывает более двух тысяч лет. За это время им удалось подчинить себе обширные территории под предводительством Чингисхана. Некоторые утверждают, что в крови этого народа есть особый ген «завоевателя», а кто-то объясняет такую воинственность особым воспитанием и подготовкой воинов.

Автор романа «Тотем волка» по-своему трактовал феномен монголов. Он говорил о том, что в мире все культуры можно разделить на культуры «завоевателей» и те, что им подчиняются. Монгольская культура показана как завоевательская, содержащая ген «волка». Цзян Жун вносит в повествование отрывки из древних легенд о гуннах. Вот пример одной из них:

«Шаньюй (глава государства гуннов) родил двух дочерей, очень красивых, все в государстве их боготворили. Правитель сказал: «У меня есть дочери, им пора выйти замуж, это надо сделать согласно воле Неба. Поэтому на севере государства, где никто не живёт, надо построить высокую башню, поместить дочерей туда. Попросить Небо само сделать выбор... Через год, появился один волк, который и днём и ночью дежурил там и выл, так как снизу башни было пустое пространство, дочери никогда не выходили оттуда. Младшая дочь сказала: “Мой отец поместил меня сюда, желает, чтобы всё случилось по воле Неба, но вот пришёл волк, наверное, это необычный зверь, возможно посланник Неба. Так пусть будет согласно его воле”. Её старшая сестра в испуге ответила: “Ведь это же дикое животное, не надо позорить родителей”. Младшая сестра не послушалась, стала женой волка и родила сына. Впоследствии они образовали государство. Поэтому, когда их потомки

поют песни, их голоса похожи на волчий вой» [Перевод Н. Ю. Агеева] [36, с. 138].

Китайцы, по своему происхождению народ кочевой и завоевательский, после перехода к крестьянству и оседлому образу жизни утратил свою «волчью» культуру. В этом автор и видит причину всех политических, социальных и экономических проблем современного Китая, называя состояние, в котором пребывают нынешние китайцы, «овечьей болезнью». По мере повествования, автор умело вплетает в диалоги и монологи героев свои выводы и идеи. Возможно, именно этот приём делает данное произведение таким особенным.

Роман рассказывает нам о молодом человеке по имени Чэнь Чжэнь и его друзьях, которые отправляются в степи Внутренней Монголии в качестве добровольцев, тем самым избежав многих ужасов «культурной революции». Четыре интеллигента из Пекина меняют комнату общежития на маленькую юрту в степи. Так получается, что они остаются жить там на долгие 11 лет. За эти годы студенты узнают многое о культуре и обычаях монголов, об их умениях и жизненных ценностях и о том, чему они поклоняются – тотему волка. Студенты начинают понимать истоки особой связи монголов с землей, на которой они живут, с небом или Тэнгри, под которым пасется их скот. Преодолевая долгий путь от непонимания странных порядков и обычаев до их уважения, студенты сами начинают ощущать свою принадлежность к степному миру, монгольской семье, той гармонии, которая наполняет степь. Этот постепенный переход мы чувствуем на протяжении всей книги.

В повествовании чётко выделяются два плана: непосредственный и авторский. К первому можно отнести описание обычаев и традиций степных жителей, условий их жизни, пейзажи степи Элунь, исторические рассказы о монголах. К второму – взгляды Цзян Жуна на цивилизацию, особенно китайский народ, его особенности, достоинства и недостатки, пути исторического развития. Много мыслей автора посвящено также образу волка.

Роман построен на противопоставлении образов волка и овцы. Автор романа делит все нации мира на «волчьи» и «овечьи». К первым относятся нации завоевателей и охотников, ведущих кочевнический образ, а ко второй нации оседлые, работающие на земле. Противостояние и взаимопроникновение двух групп стало ключевым фактором в развитии истории.

Волк – главный тотем монголов, который, по их верованиям, является посланником неба Тэнгри. Волк представляется воинственным и неукротимым, в охоте ему нет равных. Волк боится огня, боится света и боится людей. Но не боится страдания, не боится устать, не боится смерти. Характер волка и

сплочённость стаи дают ему большую жизнеспособность и сильную боевую мощь. Именно волку давалось право доставить душу умершего человека на небо, для этого тело отдавали волкам на съедение: *«Человеческая жизнь так коротка, но Тэнгри вечен, для всех, от Чингисхана до каждого кочевника-скотовода, самый сильный призыв среди верующих, это: “О Вечное Небо! О Вечное Небо! Вечный Тэнгри!” А степные волки — это небесная лестница, по которой души степных людей поднимаются к Тэнгри»* [36, с. 145].

Говоря о волке как о тотемном животном, Цзян Жун бросает вызов традиционным представлениям китайцев о волках. У самих китайцев отношение к этому животному не совсем положительное, волк для китайского народа – животное свирепое, мстительное и беспощадное.

Монголы, поклоняясь тотему волка, переняли многое у этих животных. Один из героев произведения говорит: *«Если ты вспомнишь самые крупные сражения монголов, то поймёшь, что в половине из них они использовали методы волков»* [36, с. 276]. Автор даже сравнивает стратегии ведения боя, написанные Суныцзы с манерой охоты волка, подчёркивая, что они очень похожи *«Я был несколько лет в Хух-Хото на курсах усовершенствования профессии скотовода и там прочитал немало военных книг, и мне кажется, что военное искусство Сунь-цзы не имеет больших различий с военным искусством волков. Например, “хорошо знать и себя, и противника”, “скорость и быстрота — это самое важное в ведении боя, “застать противника врасплох”, “нанести внезапный удар” и так далее. Это всё — коронные номера волков, именно то, чем они хорошо владеют»* [36, с. 368]. Также, волки научили монголов охотиться: *«О Небо, я бы никогда до такого не додумался! Волки действительно умны! Но монгольские охотники ещё умнее! — тихонько засмеялся Чень Чжэнь. — Монгольские охотники — ученики волков, могут ли они быть глупыми?»* [36, с. 370].

По мнению автора романа, монголы переняли у волков не только военное искусство, но и чувство коллективизма и ответственности. Подобно тому, как волки заботятся о своих семьях и о больных членах стаи, так и монголы, никогда не бросают на произвол судьбы своих близких, друзей и товарищей. Сплочённые, как волчья стая, они заботятся друг о друге.

Главный герой романа Чень Чжэнь выделил десять качеств волка, вызывающих у него восхищение: 勇敢 (смелость), 智慧 (мудрость), 顽强 (упорство), 忍耐 (терпение), 热爱生活 (большая любовь к жизни), 热爱生命 (любовь к живому), 永不满足 (нежелание останавливаться на достигнутом), 用不屈服 (непреклонность), 藐视严酷恶劣的环境 (нетерпимость к дурному окружению), 建立起强大的自我 (стремление к формированию сильного «я»).

Данные качества сильно разнятся с традиционным представлением китайцев о волках как о злых, жестоких животных. Это можно видеть в некоторых китайских устойчивых словосочетаниях – чэньюях (кит. – 成语):

如狼牧羊 ‘жу лан му ян’ *как волк пасёт овец* (о жестоких правителях);

狼狽为奸 ‘лан бэй вэй цзянь’ *досл. волк и оборотень вступают в сговор*;

如狼似虎 ‘жу лан сы ху’ *жесток, как волк и тигр*;

狼吞虎咽 ‘лан тунь ху янь’ *досл. глотать, как волк, пожирать, как тигр*

и другие [36].

Овцы представляют собой полную противоположность волкам. Это абсолютно покорные, спокойные и трусливые животные, которые «绵羊胆小又愚蠢, 被狼咬开了肚子也吓得一声不吭, 任狼宰割» [36] («при нападении волков не издают ни звука, позволяя волкам спокойно расправиться с ними»). Овцы – беззащитны и глупы по сравнению с волками, у них нет чувства самозащиты, сплочённости, которая присуща волкам, овцы не станут помогать сородичу в беде. Для овцы важнее всего – её собственная жизнь, а судьба сородичей её не беспокоит. Поэтому овцы всегда разобщены. Особенности волков и овец Цзян Жун проецирует на монголов и китайцев. Он считает, что китайцам не достаёт той самой «волчей» смелости, сплочённости, стойкости и упорства. Стоит отметить, что Линь Юйтан и Бо Ян также говорили о разобщённости китайского народа. И если бы китайцы могли взять «волчий тотем» за свой ориентир, то они могли бы избавиться от всех своих слабостей и недостатков, от «овечьей болезни».

Ещё одной чертой, сближающей китайцев с овцами, Цзян Жун называет покорность. Волк предпочтёт смерть жизни в неволе, овце же всё равно. Так и для китайцев, лучше жить плохо, но долго, и не умирать ради возможности перемен.

Что же послужило развитию у китайцев данных «овечьих» черт национального характера? Автор считает, что всему виной переход к оседлому образу жизни, из-за которого китайцы утратили «волчий характер» и получили взамен «овечью болезнь». Ведь раньше китайцы были скотоводами-кочевниками, и в их жилах текла «волчья кровь».

Другой причиной, повлиявшей в значительной степени на национальный характер китайцев, стало активное распространение конфуцианства. Отношения, построенные на подчинении вышестоящему в управлении, а в семье – родителям, привели к тому, что люди превратились в безропотных подчинённых, угас дух свободы и отваги, исчезло стремление бороться за свои интересы и справедливость. Вместо этих качеств появились покорность, нежелание бороться и страх. Автор романа считает, что для того, чтобы

«излечить» нацию от «овечьей болезни», нужно возродить былой дух свободолюбия, желания свободы и независимости. А волчий тотем – это то, что поможет китайскому народу этого достичь.

Значение романа «Тотем волка» заключается в создании уникальной картины мира, которая значительно разнится с традиционным восприятием китайского народа. И целью создания этой картины является не простой показ культурных различий, а передача идеи о необходимости значительных перемен в сознании китайцев, в формировании национального характера.

Несмотря на то, что роман вызвал много суждений, он всё-таки остаётся одним из самых читаемых романов нашего времени. Помимо проблемы отсутствия у китайского народа необходимых моральных качеств, Цзян Жун обратил внимание читателей на постоянно усугубляющиеся проблемы с экологией, опустыниванием территорий. Но несмотря на все сложности, автор верит, что у китайского народа ещё есть надежда искоренить в себе боязливость и покорность, научиться жить в гармонии с природой, возродив в себе утраченный «волчий дух». Заместитель председателя Союза китайских писателей Чжан Канкан считает, что свободолюбивая натура волка уже стала частью менталитета китайской нации, а значит можно предположить, что имеют место большие положительные изменения, которые происходят в сознании общества и в национальной культуре в целом [15].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема национального характера занимала важное место в китайской литературе XX века. Это было вызвано значительными изменениями в национальной культуре, социальной системе. Столкновение Китая с империалистическими державами повлекло большие изменения в укладе жизни и взглядах китайского народа. Первым, кто затронул вопрос национального характера в художественной литературе, принято считать Лу Синя.

В первой главе мы попытались проанализировать и раскрыть сущность и содержание понятия национальный характер, а также сделать краткий обзор исследований, затрагивающих проблему национального характера китайцев. Мы определили понятие национального характера, которое использовали в работе. Оно заключается в следующем: «Национальный характер – это исторически сложившаяся совокупность устойчивых психологических черт нации, определяющих привычную манеру поведения и типичный образ жизни людей, их отношение к труду, к другим народам, к своей культуре» [3, с. 57]. Далее мы провели обзор исследований проблемы национального характера. Мы пришли к выводу, что основной их объём пришёлся на XX век и проводился не только многими китайскими деятелями культуры, но и многими иностранными исследователями. Основными особенностями национального характера они называли трудолюбие, терпение, «концепцию лица», важность авторитета, скромность, ориентир на семейные ценности и некоторые другие. Но отметим, что многие исследователи рассматривали особенности китайцев лишь в контексте их древнейшей культуры и обычаев, не учитывая современных социально-политических изменений.

Во второй главе мы попытались выявить черты национального характера китайцев в публицистических произведениях «Моя страна и мой народ» Линь Юйтана и «Эти отвратительные китайцы» Бо Яна.

Линь Юйтан выделяет такие основные черты китайского характера, как консервативность, терпение, равнодушие, лукавство, неорганизованность, миролюбие, изобретательность, простота, духовная близость к природе и удовлетворённость своей жизнью. Бо Ян отмечает отсутствие единства, неспособность признавать ошибки, шумность, консервативность, неспособность к самоорганизации и др.

Проблемы китайского народа эти писатели видели не в природе и генах, а в традиционной культуре.

По мнению Линь Юйтана, Китай остро нуждается в справедливых и честных чиновниках, способных управлять государством.

Бо Ян считает, что самое важное — развитие интеллектуальных способностей, потому что на протяжении нескольких тысячелетий за китайцев все решения принимали высокопоставленные чиновники, и народ был лишён возможности мыслить и развиваться. Кроме этого, китайцам также нужно научиться самокритичности, ибо она способствует самосовершенствованию и прогрессу.

В третьей главе мы сделали краткий обзор китайской художественной литературы XX века, которая затрагивала тему национального характера. Мы сделали вывод, что характеры в художественной литературе XX века крайне схематичны, и с развитием литературы они не смогли развиваться и закрепиться в ней.

В целом, проблема проявления национального характера в художественной литературе востоковедческим литературоведением скорее только намечена и требует дальнейших исследований.

Проанализировав выбранные произведения Лао шэ, мы увидели, что автор выделяет как положительные такие качества национального характера китайцев, как упорство, терпение, трудолюбие. Но в тоже время, Лао Шэ подвергает критике такие черты китайцев как конформизм, несамостоятельность, консерватизм, суеверность, разобщённость, а также отсталость. Причиной этому, по мнению Лао Шэ, во многом стало конфуцианство, излишне норматизировавшее общество.

Путь к исправлению, считает писатель, заключается в учении и постоянном постижении новых знаний, что позволит китайскому народу развиваться и идти вперёд.

Цзян Жун в своём романе «Тотем волка» сравнивает монголов с китайцами. Он приходит к выводу, что китайцы, перейдя к оседлому образу жизни и активно пропагандируя конфуцианство, утратили «ген волка» и стали трусливыми, покорными. Также Цзян Жун обратил внимание читателей на постоянно усугубляющиеся проблемы с экологией, опустыниванием территорий. Путь к исправлению, по мысли автора, заключается в возрождении китайцами «волчьего духа» и желании научиться жить в гармонии с природой.

Стоит отметить, что все исследуемые нами авторы видели причины излишней терпеливости, отсталости и покорности в отрицательном влиянии конфуцианства, когда излишнее подчинение и поклонение древности не позволяло двигаться вперёд. Все исследуемые нами авторы также сошлись во мнении, что Китаю необходимы новые знания, которые позволят народу встать на путь самосовершенствования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Брагинский, И. С. К обсуждению вопроса об интернациональном и национальном в литературах Востока / С. И. Брагинский – М.: Наука, 1972. – 38 с.
2. Кононенко, Б. И. Большой толковый словарь по культурологии / Б. И. Кононенко. – М.: Вече, 2003. – 122 с.
3. Крысько, В. Г. Словарь-справочник по социальной психологии / В. Г. Крысько. – СПб.: Питер, 2003. – 222 с.
4. Крысько, В. Г. Этнопсихологический словарь / В. Г. Крысько. – М.: МПСИ, 1999. – 146 с.
5. Крюков, М. В. Этническая история китайцев в XIX – нач. XX века / М. В. Крюков, В. В. Малявин, М. В. Сафонов, М. Н. Чебоксаров. – М.: Наука, Вост. лит. 1993. 387 с.
6. Собольников, В. В. Этнопсихологические особенности китайцев / В. В. Собольников. – Новосибирск: Вузовский учебник, 2017. – 258 с.
7. Сорокин, В.Ф. Формирование мировоззрения Лу Синя / В. Ф Сорокин. - М.: Изд-во Восточной Литературы, 1958. – 195 с.
8. Спешнёв, Н. А. Китайцы: особенности национальной психологии / Н. А. Спешнёв. – СПб.: КАРО, 2011. – 344 с.
9. Суровцев, Ю. И. Национальное своеобразие и национальный характер (Методологические заметки) / Ю.И. Суровцев. – М.: Наука, 1972. – 244 с.
10. Тертицкий, К. М. Китайцы: традиционные ценности в современном мире / К. М. Тертицкий. – М.: ИСАА МГУ, 1994. – 276 с.
11. Торопцев, С. А. От схемы к характеру (Изображение человека в литературе и искусстве Китая) / С. А Торопцев. – Вопросы литературы, 1983. – № 10. – с. 86-112.
12. Черкасский, Л. Е. / Русская литература на Востоке / Л.Е. Черкасский. – М.: Наука, 1987. – 184 с.
13. Лао, Шэ Избранные произведения /Лао Шэ. — Новое издание. — Москва: Художественная литература, 1992. — 525с.
14. Даосская и буддийская модели мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://daolao.ru/Texts/grigor01.htm> – Дата доступа: 13.03. 2019.
15. Народы Китая и национальный состав Китая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.chinahighlights.ru/culture/chinese-ethnic-groups.htm>. – Дата доступа: 19.04.2019.

29. 张平志, 杨景龙. 中国人的毛病 ‘Чжан Пинчжи, Ян Цзинлун. Чжунгожэньдэ маобин’ (Проблемы китайцев)/ 张平志, 杨景龙 - 北京: 中国社会科学出版社, 1997. – 391с.
30. 柏杨. 丑陋的中国人 ‘Бо Ян. Чоулоудэ чжунгожень’ (Эти отвратительные китайцы) / 柏杨 – 台北: 台北出版社, 1984. – 89 с.
31. 方立天. 中国佛教与传统文化 ‘Чжунго фоцзяо юй чуаньтун вэньхуа’ (Китайский буддизм и традиционная культура). /方立天 – 上海: 文艺出版社, 1988. 234 с.
32. 李庆善. 中国人新论--从民谚看民心 ‘Ли Циншань, Чжунгожэнь дэ синь лунь. Цун минь янь кань минь синь’ (Новое толкование китайцев. Душа народа через призму народных пословиц) /李庆善– 北京: 社会科学出版社, 1996. – 175 с.
33. 谢儷玉. 中国人的养育观 ‘Се Лиюй Чжонгожэнь дэ яньюй гуань’ (Взгляд китайцев на воспитание детей) / 谢儷玉. – 台北: 新书出版社, 1991. 200 с.
34. 中国桑悉批年代文学发展史 ‘Чжунго саныпи няньдай вэньсюэ фачжань ши’ (История развития китайской литературы в 30-е годы) (Под ред. Го Чжигана и Ли Сю). – 长沙:湖南教育出版社, 1998. – 461 с.
35. 中国现代文学史简便 ‘Чжунго сяньдай вэньсюэши цзяньбянь’ (Краткая история современной китайской литературы) (Под ред. Тан Тао). – 北京:人民文学出版社, 1998. – 513 с.
36. 姜戎. 狼图腾 ‘Цзян Жун Лан тутэн’ (Тотем волка) /姜戎 – 北京: 长江艺术出版社, 2004. – 410с.
37. 现代俄汉双解词典 ‘Сяньдай эхань шуанцзе цыдянь’ (Новый русско-китайский словарь) / 北京: 外语教学与研究出版社, 2008 – 1304 с.